

A silhouette of a hand holding a dark, reflective sphere against a bright blue sky with scattered white clouds. The hand is positioned on the left side of the frame, with the thumb and index finger supporting the sphere from below. The sphere is perfectly round and has a slight highlight on its upper right edge.

Михаил Чегаев

Командировка

Проект "Корпорация"

18+

Михаил Чегаев
Командировка

«ЛитРес: Самиздат»

2011

Чегаев М. В.

Командировка / М. В. Чегаев — «ЛитРес: Самиздат», 2011

ISBN 978-5-532-08508-4

Не "попаванец", а вполне себе "засланец" отправляется в командировку на альтернативную землю. В поисках новых знаний и технологий он узнает о могущественном и древнем артефакте, способном изменить мир. Вот только чтобы завладеть им, ему придется поучаствовать в "больших гонках" с местными спецслужбами, религиозными орденами и магами.

ISBN 978-5-532-08508-4

© Чегаев М. В., 2011
© ЛитРес: Самиздат, 2011

Содержание

Пролог.	5
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	30
Глава 6	34
Глава 7	37
Глава 8	42
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Пролог.

Вот и закончился отпуск. Повалившись на берегу теплых морей и наведавшись в Саратов к родителям, с чувством выполненного сыновнего долга, со спокойной душой и готовый, как говорится, к труду и обороне, я прилетел в Москву. На стоянке в аэропорту меня встречал до боли знакомый корпоративный микрик. Забота корпорации о своих сотрудниках, особенно когда они возвращались из отпуска, «не знала предела»...

Судя по всему, у начальства на меня уже были планы, потому что вместо того, чтобы поехать на служебную квартиру, меня сразу повезли на базу под Звенигородом.

Глядя на обшарпанные стены из унылого серого бетона и замызганные стекла здания, торчащего за бетонным забором, украшенным орнаментом из колючки, только самый отчаянный фантазер мог бы предположить, что там есть что-то новое и высокотехнологичное, а не полуразрушенные пережитки эпохи индустриализации. Однако, за обычной с виду дверью, обитой слегка заржавевшими стальными листами, скрывался проход на базу «Корпорации». База не совсем точное определение, это был всего лишь один из многих комплексов «Корпорации», которые были разбросаны по всему миру и занимались бог знает чем. В том, куда привезли меня, занимались изучением альтернативных миров класса «Земля».

Да-да..., именно альтернативных или, если угодно, параллельных миров и действительно именно земли, хотя технологии «Корпорации» и позволяли осваивать другие планеты далеких звездных систем. Не то чтоб такие работы не велись в нашем мире, просто сами подумайте: для того, чтобы обнаружить планету, хотя бы частично пригодную для жизни, требуется просеять тысячи, если не больше, звездных систем. Затем надо будет наладить связь, построить всю инфраструктуру с нуля, да при этом еще не нарваться на конфликт с иными обитателями нашей галактики, которые, судя по слухам, иногда просачивавшимся из других «баз», не слишком-то жаловали «собратьев по разуму».

Поэтому в нашем мире, «Корпорация» вела себя более чем осмотрительно, стараясь не привлекать к старушке-земле внимания своей деятельностью. А вот в других мирах...

В других мирах, корпорация развернула активную деятельность. Насколько я разбирался в теории «трансбарьерного скачка», создание портала в иную реальность, мало чем отличалось от создания портала по перемещению в рамках нашей вселенной. Все дело было лишь в координатах, точнее настройках области «синхронизации», которая собственно и была порталом. Я работал с мирами класса «Земля», то есть с теми мирами, которые с высокой долей вероятности обнаруживались в альтернативных вселенных по «пространственным» координатам Земли-0, родного и привычного мира.

Миры класса «Земля», как правило, были пригодны для жизни людей, в отличие от иных планет, и частенько обитаемы. Нет, Корпорация, конечно, имела базы на нескольких десятках планет в нашей галактике, а некоторые базы даже имели персонал. Но толку от них было не слишком много. Скорее их держали так, имиджу ради. Но я в этом не слишком разбираюсь, допуск не тот, да и специализация другая. Как там оно на самом деле обстоит, ведает, наверное, лишь совет директоров корпорации. Я же, скромный полевой агент, специализирующийся на мирах класса «Земля», причем обитаемых мирах типа М. М тип – это миры, где доминирующую роль в развитии прогресса и общества, приобрело то, что в обыденной речи принято называть магией и колдовством, а в продвинутых научно-корпоративных кругах, альтернативными методами манипулирования объективной реальностью.

На работу в корпорацию я попал случайно, просто так получилось, что окончив институт культуры, я попытался закрепиться в Москве. Но в нашей стране за культуру, как правило, платят негусто. Потыкавшись туда-сюда, я рылся в инете, в поисках более или менее денежной

работы, чтобы на жизнь хватило. И наткнулся на объявление, что-то типа: «требуется полевые агенты для изучения этнокультурных составляющих обществ различного типа, оплата достойная, корпоративная страховка, отпускные, больничные, оформление по ТК, зарплата белая».... Ну как было не откликнуться? Вот так я и попал в «Корпорацию».

За спиной с грохотом и скрежетом пружины захлопнулась дверь, и я оказался на проходной для рядового штатного персонала. Кивнув старичку сторожу, я прошел к переходным камерам. Возможно, что-то похожее вы видели на проходных некоторых современных бизнес-центров. Двойные двери, напоминающие шлюз, заходишь в первую, она закрывается, затем чего-нить предъявляешь, и открывается вторая дверь. Но у нас тут немного сложнее. Кабина проверяла на предмет вноса-выноса предметов, а пока шел процесс, сверялась личность: приложи руку к сканеру, посмотри на красный огонек.... Ну и заодно, попутно со сканированием сетчатки, проходила установка или снятие гипнокодирования. Эту штуку ввели лет пять назад, до этого СБ довольствовалась подпиской о неразглашении, но и тут корпоративные технологии не стояли на месте. На работе – о чем хочешь, о том и говоришь, за пределами – о работе ни слова, даже если попытаешься, то слова в горле застревают и мысли путаются. Просто и эффективно.

Пройдя контроль, я сразу направился к начальству, узнать, что за спешка. Это ж форменное безобразие, когда человека сдергивают с самолета и сразу тащат куда-то, для исполнения служебного долга. Поднявшись на второй этаж, я постучал в кабинет координатора проекта. Владимир Александрович, грузный мужик в летах, сидел перед компом, увлеченно клацал мышкой.

– А это ты Леха, – пробасил он, – ну заходи, гостем будешь.

Пройдя к столу и сев в кресло, я заметил на экране неизменный пасьянс, вот уж поистине убийца рабочего времени.

– Ну, как там оно? – поинтересовался босс.

– Да, в общем, тепло, хорошо и мухи не кусают, – в тон ему ответил я.

– Вот и ладненько, стало быть, хорошо отдохнул. А у нас тут небольшой аврал приключился, потому тебя так сразу и выдернули сюда. У нас все опытные агенты заняты, кто где, а технари новый мир нарыли, да еще какой. Довольно густонаселенный мирок, прям-таки скажем. И чуть ли не десяток РФЖ (разумная форма жизни), мало того, еще и довольно развитый М тип, судя по данным аппаратной разведки. Население – просто мечта толкиениста. В общем, новичка не пошлешь, народу много надо, целую группу. У тебя уже три десятка миссий за плечами, так что пора и на повышение. Будешь теперь старшим полевым агентом и региональным координатором. За документами и назначением потом к кадровикам зайдешь. А пока слушай вводную.

– Мир новый. Земной тип. Значительное географическое, физико-химическое и биологическое соответствие, в общем, жить можно без дополнительной подготовки. Относительный индекс технологического развития 4.5, более точно тебе выяснять самому придется. А вот магического, предположительно до 7, сам понимаешь, автоматика точно не скажет. Так... что еще... а вот... выявлено 6 гуманоидных РФЖ, из них два вида условно РФЖ, и 4 негуманоидных.

– Когда пошла картинка с зондов, то наши офисные фанаты всяких сказок не удержались, поэтому теперь, все эти разумные формы, фигурируют под разными фэнтезийными названиями во всех каталогах и документах. Эльфы, гномы, орки и люди отнесены в гуманоидные РФЖ. Тролли и гоблины – гуманоиды, условно РФЖ, потому что индекс разумности по стандартным методикам определить не удалось. А еще там водятся драконы, морской народ в виде головоногих и единороги – это что касается негуманоидов.

– А 4й вид негуманоидов? – поинтересовался я.

– А тут сложнее – это что-то вроде сущностей, вроде как разумных, которые существуют в виде замкнутых энергетических структур. То ли призраки, то ли духи. Классифицировать не удалось пока. Сам этим займешься.

– Мдаа... – протянул я, – интересная намечается командировочка.

То, что в мире М типа такое количество РФЖ, не особо удивляло, для М миров это было скорее правило.

Собственно говоря, М и Т типы, классифицировались на основе «культурных признаков» местных обитателей. Если используют механические технологии, так сказать массовое производство, то это Т-тип, а если шаманят что-то там в индивидуальном порядке, пренебрегая законами физики и химии, то М-тип. А общая характеристика, давалась на основе соотношения этих самых индексов «магического» и «технического» прогресса.

В основе же физической классификации миров, лежал таинственный индекс стабильности. Что это значит, я и сам толком не понимал, но инструктор по теории, представил это так: чем стабильней мир, тем сложнее произвести перенос своей субъективной реальности в объективную. В общем, в стабильном мире, как ни напрягай мозги, а от силы мысли даже свечка не загорится, а в нестабильном, достаточно представить костер, так и дрова появятся, да еще и горящие. Главное что б дрова, а не карманная сверхновая.

Но большинство исследуемых миров, были где-то посередине, выражаясь образно, между порядком и хаосом. Т миры – техногенные, как правило, возникали при высоком индексе стабильности структуры континуума, М – при относительно низком. А в промежутке попадались самые распространенные МТ миры. Тот, куда предстояло отправиться мне, был типичным социальным М, но с достаточно высоким уровнем стабильности, чтобы в нем сформировались, по крайней мере, зачатки масстеха. То есть не все поголовно обладали способностями кроить реальность по своему усмотрению, а имелась значительная группа людей, которым приходилось довольствоваться банальными достижениями технического прогресса.

– Ну... что еще, – поразмыслив, добавил Владимир Александрович, – вот, пожалуй, в общих чертах и все, задание и прочую информацию получишь при отправке. Отправка через полчаса. Вещи скинь в жилом секторе.

Попрощавшись, я пошел в свою комнатку в жилотделе базы. Бросил вещи в шкафчик, принял душ и направился в лабораторный сектор. Там меня уже ждал Иваныч. Пожилой, но все еще бодрый мужичок, со старомодной академической бородкой клинышком и веселыми глазами. Когда-то, еще в советские времена, он работал в каком-то НИИ экспериментальной биофизики или чего-то подобного, потом НИИ прикрыли, и стояло оно никому ненужное, пока его не выкупила «Корпорация», со всеми потрохами и научным персоналом заодно. Персонал-то, конечно, не покупали, просто приняли большую часть тех, кто еще был на что-то годен, в штат «Корпорации». Иваныча перевели в Звенигород пару лет назад, где он и осел на непыльной должности инженера-инструктора по перемещению. Поздоровавшись, он повел меня вглубь своей лаборатории.

– Так, ты как опоздавший, будешь у нас с краю, – сказал он, когда пройдя до конца ангара, мы остановились у крайней угловой ванны. Раздевшись и сложив одежду в шкафчик, что стоял поблизости, я забрался в резервуар и стал ждать, пока Иваныч наладит сеть и приладит на меня контакты и датчики. Густой изотонический биораствор, уже начал приятно расслаблять, когда Иваныч достиг консенсуса между аппаратурой и моим телом, нацепил на меня маску, и я погрузился в раствор целиком, проваливаясь в приятную ватную темноту.

Глава 1

В сознание хлынул поток образов, информации, неясных воспоминаний, мои воспоминания о жизни на земле и «Корпорации», отодвигались на второй план. На поверхность проступала личность, мысли и помыслы человека из этого мира, простого бродячего торговца, из торговой гильдии Арана. Всплывали воспоминания о местах, где я никогда не был, лица людей, которых никогда не знал.

Попутно, вторым потоком, как бы в глубине сознания, шла информация о планете, ее географии, структуре мира и всего того, что автоматика и агенты уже узнали о планете. Названия стран, общее представление о структуре общества, языки и внешний вид обитателей, предупреждения и рекомендации.

Третьим потоком, шло само задание и информация о моих подчиненных, полевых агентах, которые прибыли на место раньше меня и уже были разбросаны по всей планете. А было их шесть душ. Именно что душ, потому как живьем, в альтернативные миры уже лет 7-8 никого не посылали, ведь выдернуть агента на базу удавалось не всегда. Если отрубание головы или что-то подобное наши медики еще могли вылечить, то вот мгновенное испепеление лечению поддавалось плохо.

Поэтому, на место высадки, было отправлено готовое тело, созданное в лаборатории и подключенное непосредственно к моему мозгу, точнее мое сознание, как бы переключалось на управление другим телом, активируя специальные дублирующие зоны в искусственном теле, аналогичные частям моего мозга. Помимо прочего, тело снабжалось изрядным количеством нанороботов, что-то типа одноклеточных организмов, циркулирующих в крови, снабженных микроконверторами массы, а управлялось все это хозяйство с помощью биокомпьютера, замаскированного под нервные клетки. Даже в случае захвата врагом, ему не удалось бы найти в нем ничего необычного, что позволило бы предположить искусственное происхождение тела.

Понемногу поток информации стал иссякать, образы постепенно улеглись. Я открыл глаза.

Находился я на поляне в лесу. Неплохой такой, вполне земной, приятный лесок. Оглядевшись по сторонам, я понял, что стою на берегу озерка. Шагах в десяти от меня горел костерок, с котлом, подвешенным над огнем, в котором что-то аппетитно булькало. К дереву, на опушке, была привязана лошадь, исправно уничтожавшая окружающую травку, вполне зеленую и, видимо, сочную. Чуть дальше, я увидел повозку, стоящую на обочине широкой тропы. Порывшись в воспоминаниях, я пришел к выводу, что в этом мире, та тропа гордо именовалась дорогой, и вела из славного города Руста, в не менее славный город Кор. Присев у огня и глядя на угли, я занялся самокопательством, благо бригада подготовки, позаботилась о моем ужине.

Географическое соответствие... хм...ну не знаю как насчет 50%, но им виднее. В этом мире, разделение континентов и их смещение, весьма отличалось от родной земли. Северная Америка и Гренландия срослись, и сместившись в сторону северного полюса, образовали континент, покрытый по большей части льдом, только побережье, изрезанное фьордами, было обитаемо, так же, как и группа довольно крупных островов, которые на земле, надо полагать, были Скандинавией. Здесь их называли Холодными островами.

Южная Америка округлилась и переползла на север, образовав западный континент, он же «страна за морем», он же «страна вечного леса», он же эльфланд и т.д и т.п, но я уже пресек дальнейшие перечисления услужливой памяти. От того, что могло бы называться Евразией, его отделяло «Закатное море», хотя по мне, так больше оно походило на океан, известный в моем родном мире как Атлантический.

Африка, Австралия и Антарктида срослись и образовали южный континент с выступами: побольше – Африки, и поменьше – Австралии. От основного, покрытого льдом, пространства вокруг полюса, их отделяли высоченные хребты. По местному, южный континент называли либо землей драконов, либо землей ящеров, либо просто Черной землей. Как можно догадаться из названия, там обитали и те, и другие. Хотя местами, там встречались и РФЖ, преимущественно гуманоидного вида известных рас. На западе, в условной Африке, обитали драконы и ящеры – видимо благополучно пережившие всякие оледенения, остатки динозавров. На восточном выступе, на материковой его части, так же жили динозавры, но на островах к северу и на побережье уже появлялись колонии людей.

Самая же интересная, густонаселенная и наименее узнаваемая часть света, условная Евразия, разительно отличалась от известной мне. Материковые платформы в этом мире, двигались казалось аккуратно в другую сторону, и Евразию как бы растаскивало на два материка. Причем примерно посередине. Европа с западной Сибирью, потом перешеек, шириной около 2000 км. А далее восточная Сибирь и Индокитай, разделенные посередине горами. С севера перешеек теснился огромным заливом, по-местному Серое море. А с юга, в материк глубоко вдавалось внутреннее море, замыкаемое далее к югу длинным, но широким проливом, образованным местной Европой и Индокитаем. На этом-то континенте и было обнаружено основное скопление и разнообразие РФЖ, которым мне и предстояло заняться.

Решив, что разобраться с геополитической ситуацией можно и попозже, я настроился на брифинг и послал вызов всем своим свежееиспеченным сотрудникам.

Первым откликнувшимся был Санди Хигс, выпускник мичиганского политехнического колледжа, уже 3 года как сотрудник корпорации. Доложил, что пребывает здесь три дня по местному времени, осваивается в Черных горах (горы к западу от центрального перешейка), где находится одно из крупнейших поселений расы, обозначенной как гномы, впрочем, данное определение, как оказалось, действительно, близко к истине. Низкорослые, коренастые, живут в пещерных городах, телосложения плотного, с мощным скелетом, черты лица крупные, мужчины бородатые. По структуре тела можно предположить, что предки были выходцами с планеты с высокой гравитацией. Пока ведется внешнее наблюдение, попыток внедрения в сообщество пока не предпринимал, ждет начальственное «добро».

Вторым присоединившимся к беседе агентом, была Иза Рубенштейн. Прибыла вчера. Локация – восточное побережье пролива Сторр (пролив ведущий из срединного моря в южный океан), неподалеку от города Сур, столицы Суррейской империи. Население преимущественно человеческое, но встречаются и гномы с орками, а так же потомки их видового смешения.

Третьим оказался Сергей Замоленов, сосед по служебной квартире. Его я опознал сразу, едва его мыслепоток присоединился к брифингканалу.

– Здорова Леа, ты извини, мы вчера отбытие отмечали, так что прибраться не успели, надеюсь, тебя не напрягло, – сразу начал он.

– Да ниче Замоленов, я там не был, сразу с самолета на базу, так что у тебя будет прекрасная возможность самому разгрести то, что вы там оставили, – сыронизировал я, – ты где там?

– Да меня вот нелегкая, будь она неладна, засунули в самое оно... в смысле, в оно самое. Я на Южном. Сажу, как последний питекантроп на дереве, палкой динозавров разгоняю. Прибыл вчера утром. Динозавры – это не по моей части, а за драконами в горы надо лезть, видел я их, они сюда охотиться прилетают. Ну и здоровенные же зверюги. Ты не поверишь. Да я сам себе бы не поверил, что такое еще и летать может, кабы своими глазами не видел. В общем, то еще местечко, а вот как внедряться к ним, так я вообще слабо представляю, это тебе не в человеческом обществе ассимилировать.

– Ну ладно, ладно, потом подумаем, или сам чего придумаешь, – успокоил я его. – Ты там пока устраивайся, на дереве-то, поудобней.

– Ага... тебя бы сюда – проворчал он, затихая.

Четвертой оказалась Анечка Соколова. Ее я помнил по одной миссии, пару лет назад, но живую знаком не был. Она была приписана к дальневосточному филиалу корпорации.

– Привет, Алек. Я на северо-востоке центрального континента, изучаю местных чукчей и камчадалов, в смысле орков, людей и троллей, которые обитают в наших северных болотах и бегают по каменным пустошам. В общем, обживаюсь потихоньку на своем болоте, никуда особо не лезу. Прибыла четыре дня тому по местному времени.

Пятым был Эрик Свансен. Его послали к «эльфам» на западный континент, сидит он на побережье и прикидывает, как идти в «вековечный лес». Уже второй день прикидывает. Вот, в общем и все.

Шестой сотрудник, Заг Магабе, тоже словоохотливостью не блистал. Его «собрали» на северо-восточном побережье южного материка, неподалеку от какого-то поселка со смешанным населением. Правда, динозавры его особенно не доставали, видимо на них распространялись гастрономические пристрастия местного гуманоидного населения, поэтому все твари, что поумнее – разбежались, а те, что поглупее или повкуснее – были использованы аборигенами в утилитарных целях.

Ознакомившись с персоналом, я перешел к оглашению общих целей и задач, хотя они и так были всем известны, но это была своего рода традиция.

– Итак, «дети мои», – провозгласил я голосом умудренного жизнью начальства. – Мы одни в этом жестоком мире, мы форпост цивилизованного человечества на краю бездны хаоса, – и что-то еще в том же духе, что подсказывало нахлынувшее вдохновение. ...

Но полет моей мысли, был грубо прерван ехидным комментарием Заморы:

– «И тут Остапа понесло», – вернул он.

На этом мое вдохновение дало трещину и закончилось все буднично.

– В общем, сами знаете, чего делать. Внедряться в общество, проводить включенное наблюдение. В большую политику по возможности не лезть. Никуда опять же по мере сил не вступать. Собирать информацию о мире и о том, что тут есть интересного и полезного. Артефакты, школы, методики и прочее. Если чего полезного нароете, доложить мне и отправить домой к спецам. Связь по экстренному вызову. Конференции по мере возможностей. Всем все ясно?

– Да чего уж там, – сразу за всех ответил неугомонный Замора. – Чай, не первый раз, все как обычно, «крутится – отвинтим, потечет – наберем и дома при стоящем счетчике рассмотрим», – процитировал он.

– Ну, раз вопросов нет, тогда конец связи. Действуйте, как умеете.

Закончив совещание, я вернулся к насущному. А именно, к себе родимому и к той легенде, которую мне подготовили при отправке. Так как отправление было срочным, без подготовки, то мне ее просто навязали. Выходило, что я – торговец из вольного города Арана, что стоит на западном побережье Срединного моря, там, где сходятся торговые пути, ведущие со всей западной части континента, и куда прибывают по внутреннему морю корабли, идущие из империи Сурреев, с южных островов и Черной земли. К северу от Арана, впадала в Срединное море Великая река Ар, берущая свое начало на Громовом плоскогорье, к юго-западу от Черных гор, а ее приток, Су-Ар, нес свои воды из Озерного края западных земель. К югу от Арана, в Срединное море впадал не менее могучий Анг, берущий начало у южных отрогов Зеленых гор, где-то далеко на юге, в бескрайних прериях Ангая. В общем, место – лучше не придумаешь. Потому и торговцев из Арана можно было встретить почти везде, и они не привлекали к себе внимания.

Торговая гильдия Арана была организацией довольно закрытой и подотчетной только главному дожу Арана, да и то не во всем. Судя по легенде, направлялся я через невысокие, поросшие лесом Зеленые горы в сторону Великих княжеств Семиречья на Семидолье. Великих

княжеств было действительно семь, по числу больших рек этого благословенного края, но было так же и изрядное количество мелких княжеств, царств, а то и просто вольных городов, которые входили в зону влияния то одного, то другого княжества.

Как я уже говорил, оказался я у дороги, соединяющей вольные города Руст и Кор: небольшие провинциальные городки в западных предгорьях, лежащие на пути из Ангая в Семиречье. В обозначенные начальством планы, входило путешествие по Семиречью, на запад, до конца гряды Эйзар, протянувшейся с запада на восток, где она соединялась с Зелеными горами. А затем на север, через Озерный край в королевства Гарадар, Орт и Сигур. А после их посещения – сплав по Су-Ару, главному притоку Ара, в Аран. Ну и если представится возможность, посещение западной оконечности материка, где была обнаружена колония «эльфов». Впрочем, переться туда или нет, будет зависеть от того, что удастся узнать о тех землях.

Осмыслив все это, я направился к повозке, ознакомиться с товаром. Повозка, представляла из себя довольно объемный фургон, с брезентовым тентом. Внутри он разделялся занавесью на 2 части. Спереди, сразу за скамейкой возницы, был жилой отсек, застеленный коврами и с какой-то утварью, развешенной на досках стен. Интерьер сего скромного жилища расцветывали несколько подушек и яркое покрывало в углу, а за занавеской, обнаружился склад товаров.

Чего там только не было. Первое, что привлекло мое внимание, были два здоровенных бивня, сильно смахивающие на бивни мамонта. Это клыки зверя зур, услужливо всплыло в памяти. Неужели тут и правда, мамонты водятся? Надо как-нибудь спросить об этом Анечку. Далее были кипы каких-то шкур, разных расцветок и шерстистости. Несколько рулонов тканей пестрых расцветок. У противоположного края ютилось несколько сосудов типа «амфора», судя по виду вино и какое-то пахнущее корицей масло. С потолка свисали мешочки с пряностями. Впрочем, было еще и два сундука, в которых тускло поблескивала посуда, статуэтки, какие-то украшения и прочая мелочь.

Вытащив из ближайшего сундука серебряный поднос, я окинул взглядом свое отражение. Да, тут уж спецы постарались. Темные волосы, глаза неопределенного цвета, невыразительное лицо неопределенного возраста. В общем, взгляду не на чем остановиться. Я вздохнул. Эх, моя родная внешность нравилась мне явно больше. Высокий, голубоглазый брюнет, атлетического сложения (спасибо корпорации за заботу о внешнем виде и здоровье сотрудников), в общем, красавчик. А теперь....Ну да ладно, для дела оно может и лучше, я ж не влюблен в себя, просто нравлюсь....

Из одежды – только штаны и перепоясанный балахон с капюшоном из плотной серой ткани. На ногах – сапоги из мягкой кожи. На поясе болтались большой нож, приближавшийся по размерам к мачете и небольшой топорик. Впрочем, оружие меня не особо волновало, была бы масса, и нанороботы сконструируют любое оружие, в рамках допустимого инструкцией и программным обеспечением, конечно.

Закончив инвентаризацию, я направился к своему предполагаемому ужину, потому как солнце уже коснулось вершушек холмов. Похлебка из сушеного мяса и бобов, на вкус оказалась существенно лучше, чем на вид, отдав ей должное, я напился из озерка и лег спать. Не то, чтобы еда и вода были мне жизненно необходимы, но инструкциями и программой, предполагалось максимально полное соответствие биологии и физиологии живого организма. Отужинав, я забрался в повозку и долго лежал в подступавшей темноте, слушая звуки ночного леса

Глава 2

Проснулся я на рассвете от щебета птиц. Денек обещал быть ярким. Сполоснувшись в озере, я начал собираться в путь. До Руста, куда я решил отправиться, было километров 20, так что самое время не спеша трогаться в путь. Подведя кобылу к возу, с этим особых проблем не возникло, ибо она тоже была кибером, я посмотрел на хитросплетение упряжи. Решив, что разбираться в достижениях местных шорников мне сейчас не с руки, я дал волю своей запрограммированной «личине» прирожденного местного жителя и ушел в тень.

Я Заран, сын Сибара рода Нис. Мне 23. Родился я в Городе Аране, на улице Сиган, неподалеку от храма богини-покровительницы торговцев и ремесленников Маэру. В возрасте 8 лет, я переселился из покоев матери на территорию отца. Там, вместе со своими братьями, я стал осваивать ремесло торговца, работал в лавке, принимал товары в порту. А когда мне исполнилось 16, отец выдал мне агур (стартовый капитал), и я отправился в свое первое большое торговое путешествие вместе с караваном, уходящим в степи, на восток от срединного хребта. В далекую страну Дуларан. Где живут люди, свирепые орки, дикие каменные тролли, диковинные звери зур, покрытые шерстью, с огромными загнутыми клыками, на которых, если верить рассказам, можно ездить верхом, как на лошади, а также однороги, морглы и прочие странные звери. Путь туда долог и опасен. Но именно поэтому, купленное там, можно продать в империи Сурреев, Ангае или Семиречье так дорого. Покинув дом в 16, я странствовал по северным землям, обрастая товаром, изучая пути. То с одним караваном, то с другим. То нанимая повозку, то верхом с одним лишь кошельком золота, Часть товаров я отправлял отцу. Приобретя крупную партию бивней, я отправился в империю Сурреев, по бурным волнам рассветного океана, омывающего восточные берега континента. Сбыв кость ремесленникам, я приобрел пряности черных земель, шелка империи, прекрасные работы имперских ремесленников и многое другое и отправился со всем этим на юг Ангая, через пролив Сторр. И тут на наш корабль напали пираты. ... стоп, как пираты, вот же я, здесь, живой. ..., наложенная память уткнулась в противоречие, и всплыло сознание, что это всего лишь личина. Ну, теперь понятно. Видимо, настоящий Заран сложил свою голову где-то в южных морях, погибнув от рук пиратов. Затем он был найден и изучен, а я, временно пользуюсь его именем. Оно и понятно, меньше шансов проколоться на чем-либо. По традиции торговцев, сын проводит в торговых путешествиях все время до достижения возраста 35 лет, а потом, может либо вернуться в отчий дом, либо купить собственный и открыть свою лавку.

Погрузившись в воспоминания, я и не заметил, как запряг лошадь и выехал на дорогу в сторону Руста. Кобыла бойко трусила по тропе, и возок мерно покачивался на ухабах, нагоняя дрему.

За час до полудня, резкая остановка кобылы вывела меня из дрёмы. Дорогу перегораживало упавшее дерево. Я слез с козел и мне представилась возможность убедиться, что дерево это упало неспроста. За изучением свежего сруба меня и застала шайка потрепанного вида разбойников в количестве 4х персон.

– Ну-ка, посмотрим, кто тут к нам заглянул, – пробасил самый крупный из них, здоровенный громила, метров двух ростом, с явной примесью орочьей крови. – Никак купец из Арана, эго нам сегодня счастье-то подвалило.

Вооружен он был большой, окованной железом дубиной, остальная команда выглядела на его фоне хлипкой, хотя и была вооружена двумя ржавыми зазубренными мечами и не менее ржавой алебардой.

– А ну, любезный, не дергайся, тебе же лучше будет, может быть, даже живым отпустим, – подойдя ко мне, главарь протянул руку к моему поясу, обдав ароматом немытого тела и иных не менее традиционных запахов. Он был немало удивлен, когда его лапища схватила пустоту на том месте, где раньше стоял я.

Организм включил боевой режим, хотя и не слишком высокой степени трансформации. Соразмерно предполагаемой опасности.

Действуя на автомате, тело само отпрыгнуло на пару шагов, а в кровь уже выплескивались гормоны и нейростимуляторы.

Движения разбойников стали медленными, вязкими, тягучими. Да и мне теперь приходилось преодолевать легкую инертность при движении. Я шагнул навстречу громиле, все еще удивленно таранившемуся на свою руку, и простым прямым ударом в челюсть отправил его в глубокий нокаут. Второй разбойник сделал шаг ко мне и попытался ударить мечом. Точнее ударил, но в состоянии трансформации, субъективное время как бы ускоряется, поэтому его удар, виделся как плавное движение клинка в мою сторону.

Уйдя вправо, я перехватил его руку, вывернул и, добавив инерции, помог его голове встретиться с бортом фургона. Третий грабитель, видимо сомневался, что ему делать, то ли бежать, то ли помогать товарищам, и так и не выйдя из раздумий, отправился вслед за атаманом в нокаут. Последний, соображал быстрее, к тому моменту, как его товарищи легли, он успел сделать не менее пяти шагов в сторону кустов, однако алебарду так и не бросил. Догнав его в два прыжка, я слегка приложил его кулаком по затылку, и он по красивой пологой параболе нырнул в густой куст, оставив на дороге свое грозное орудие промысла. На все про все, ушло не более двух-трех секунд. Отменив режим боевой трансформации, я свалил работников ножа и топора в фургон, связав их найденной там же веревкой. Затем забрался на козлы и около часа по полудню достиг города Руста.

Назвать сей поселок городом, мог разве что человек, проживший всю свою жизнь где-нибудь в лесу. Больше всего он напоминал небольшую деревню, окруженную высоким частоколом из толстых бревен. Единственная улица, шедшая через весь город, соединяла западные и восточные ворота. Дома были деревянные, одноэтажные, но ближе к центру, где была площадь, стояло и несколько двухэтажных зданий.

Да, Т 4.5 было явно не про это место. 4,5 Т соответствовало примерно позднему европейскому средневековью родной земли, но тут, это вековье, было какое-то уж очень средненькое. Впрочем, нельзя же ожидать дворцов в такой глубинке, – подумалось мне. Просто небольшой городок, стоящий на одном из трактов, ведущих через Зеленые горы из Ангая в Семидолье на Семиречье.

Подъехав к восточным воротам, раскрытым настежь, я увидел двух стражников, вкушавших скромный обед в тени ворот.

– Здравствуйтесь уважаемые, – приветствовал я их.

– И тебе не болеть, – отозвался старший, с длинными седыми усами. – Откудова едешь, куда путь держишь?

– Еду из Ангая в Семиречье. По торговым делам, – сказал я.

– Так, кобыла одна, воз один, три медяка подорожной пошлины. А коли собираешься тут поторговать, то серебряк, и торгуй, пока не надоест.

– Эээ... есть еще одно дело уважаемый, – продолжил я, отсчитав из кошелька положенную плату. – У меня там, на возу, четверо разбойников, напали на меня на дороге в семи верстах отсюда.

– А ну покаж, – поднялся страж и подошел к фургону. Увидев моих пленников, он крикнул. – Слышал я, что вы, купцы, подраться не дураки, но чтоб вот так, не ожидал. Это ж шайка Рага-свинорыла, в полном составе во главе с самим Рагом. Не уж-то сам всех повязал?

Я скромно кивнул.

– Приходится, понимаете ли, быть в форме. Но вы правы, с караваном оно безопасней. Тут все-таки предгорья да леса. Одинокому путнику надо держать ухо востро.

– Тут я тебе помогу, у нас в городе как раз на постой гномья артель остановилась. Идут в Сорбор (столица одноименного великого княжества на северо-западе Семиречья), тамошний князь решил добычу золотишка наладить, в верховьях Звонкой, вот и нанял артель, для организации прииска. Глядишь, тебе с ними и по пути будет. Пойдем, провожу. А этих надо городскому голове показать.

– А чего с ними будет-то? – поинтересовался я.

– Да как голова решит. Наверно, на рудники сошлют. Повесить этих голодранцев невелика потеха, а там они еще и на благо людям послужат, во искупление своих лихих дел, так сказать.

Так, за разговором, мы и дошли до площади. С одной стороны стояло здание городского совета, по совместительству казарма и тюрьма, напротив нее – постоялый двор, с кабаком на первом этаже и комнатами на втором. Сдав своих пленников городской страже, я отправился на постоялый двор. Бросив медяк подбежавшему пареньку-конюшему, и проследив, как он распрягает кобылу, я направился в трактир, договариваться о ночлеге и обеде, да и пообщаться с бригадиром артели на предмет совместного путешествия.

С трактирщиком я сговорился быстро, комната наверху и ужин обошлись в серебряк с пятью медяками. Зайдя в общий зал трактира, я сразу увидел тех, кого искал. За двумя сдвинутыми столами расположилась колоритная компания гномов. Их бригадир возвышался во главе стола. Возвышение это, ему обеспечивал отдельный стул с подушками на сиденье. Остальные располагались на лавках.

Выглядели они, соответственно сложившемуся стереотипу: маленькие, метр с кепкой, но весьма плотные и широкоплечие. Длина бороды, видимо, зависела от возраста и социального статуса, потому как у бригадира она была самой пышной и спускалась на живот, заплетенная в косу. Шумели они изрядно. Судя по покрасневшимся физиономиям, их посиделки продолжались уже довольно долго. Молодой по виду гном, распевал что-то сильно смахивающее на частушки фривольного толка, а остальная компания подбадривала его свистом и смехом, временами принимаясь отстукивать ритм деревянными кружками. Когда я подошел к ихнему столу, песня смолкла, и на меня уставились добрых две дюжины глаз.

– Доброго дня вам уважаемые, – приветствовал я их на арне, местном языке, являвшемся эквивалентом лингва-франко.

– И тебе доброй торговли, купец, – ответил бригадир, смерив меня оценивающим взглядом.

– Слышал я, что идете вы в Сорбор, вот хотел узнать, можно ли к вам присоединиться, а то дороги здесь не чета великокняжым, да и разбойнички по лесам лихоимствуют.

– А ты что ж это? Не уж-то один путешествуешь?

– Да вот вышла оказия. Караван, с которым я шел из Ангая, двигался в Аран, а я хотел поторговать в Семиречье. В Аране да Ангая мой товар от силы в половину от семиреченских цен уйдет. Вот и рискнул через Зеленые горы перевалить в одиночку, в Коре свернул на малую дорогу до Руста. А там уж и до большака не так далеко. На нем и заставы, и разъезды конные.

– Рисковый ты парень. Ну да ладно. Коль по пути, то давай с нами. Мы тут до завтра застряли. У воза ось лопнула, да и быкам отдых нужен. Мы с юга уже почитай две недели топаем. От самого Холмогорья. Тамошнему князю железные рудники подновляли. Старая выработка иссякла, а лучше нас кто ж хороший разрез найдет? Тут особое чутье нужно. Теперь вот прииски налаживать пойдем.

– Доброе дело. Мне так и по пути с вами будет, – сказал я.

– Договорились. Ну что? Может за знакомство? – как-то сразу перешел гном, – ты это, присоединяйся. Ребята подвинутся.

Ребята подвинулись.

– Меня Рогур зовут, – представился бригадир. – Это Торин, Валигор, Семигор, Угор, Темигур, Сверд, Ногар, Злавур и Синигор, – представил он свою артель.

– А я Заран, сын Сибара из рода Нис, – представился я полным именем.

– Ну, будем знакомы. Рекомендую отведать семиреченских медов. Они тут страсть как хороши.

Послушавшись совета, я знаком подозвал симпатичную пухленькую девицу-официантку и заказал медовухи, ну и чего-нибудь на закуску, чего есть на кухне. Гномы тоже обновили заказ, и через минуту мы уже сидели и балагурили как закадычные друзья. Кормили отменно, нежный барашек, запеченный на углях, пара куриц, все это с чем-то вроде картошки, какая-то наваристая мясная похлебка с бобами, щедро заправленная специями, а самое главное – медовуха. Это было что-то. Прохладная, в меру сладкая, она пахла не то цветами, не то травой, но после того, как ее проглотить, она стекала в желудок и там восхитительно взрывалась приятным теплом, разливаясь по телу. Видимо, градус у нее был все же изрядный.

Разговор заметно оживился. Мы поговорили о дорогах, обсудили цены на рынках Арана, гном рассказал, как пару лет назад обновлял в Аране крепостную стену. Постепенно, по мере увеличения количества выпитого, разговор сместился к историям из жизни, байкам и политическим слухам.

– Вот, слышал я, что в Семиречье, маги вроде как никому и не подчиняются, не то что в Суррее или в Аране, даже «Школа стихий» ихняя, тут вроде отдельного государства, – произнес я, прихлебывая медовуху.

– Ну, как сказать, вообще совету князей подчиняются. Но не всегда бесплатно, конечно. А так, вообще, сотрудничают: дождика нагнать, канал оросительный сделать или еще чего, – ответил Рогур. – Но вообще, этим даже не Школа занимается, а местные маги. Почитай, в каждом городе есть один – два. На скольких городской казны хватит. Могуществом-то все они разные. Не каждому дано великим-то магом стать.

– Ну а магистры, те либо в школе преподают, либо советниками у князей в думе сидят. Бакалавров ясно дело поболе будет, их и крупный город нанять себе может. А по небольшим уездным городкам – так, мелочь сидит, первой да второй ступени. Дождик там нагнать или простуду вылечить они еще могут, но серьезного колдунства от них не жди.

– А что? Все маги на какой-то стихии или как там еще специализируются?

– Да не, базовый-то уровень он у них вроде как общий, просто чтоб стать магистром стихии, надо лет сто учиться, да и способность к тому иметь. Я слышал, что глава ихнего магистрата – магистр сразу четырех стихий. В прочем сам не знаю, врать не буду. Наше дело маленькое. Куда нам до их премудростей-то.

– А о драконах слышал? – поинтересовался я немного погодя, подливая медовухи, в кубок разговарившегося гнома.

– Да приходилось, но их так просто не встретишь. Одни легенды, хотя.... Когда-то давно, было дело. Работали мы как-то на плавильнях, в южном уделе Загорского княжества (самое южное княжество Семиречья), чугун стало быть лить. И был там у нас один мастер, человек. Старик уже совсем. Так вот, он рассказывал, что во времена его молодости, поселился у них в горах дракон. Здоровенная такая тварь. Быка могла в когтях утащить. По началу-то он на восток, через горы, в Ангай охотиться летал, но всех тамошних кочевников распугал, торговые караваны отвалил и жрать ему стало нечего. Вот он и повадился, значит, в Загорье налеты устраивать. То корову украдет, то отару в пропасть спугнет. А потом и на людей охотиться начал. Местные деревни собрали совет старост, решать, как им быть дальше. Решили к князю идти, челом бить.

– Тот озаботился. Как так, его подданных за добычу держат. Собрал дружину, двух магов прихватил и отправился воевать дракона.

– Да только ничего у них не вышло, – грохнул кружкой по столу разошедшийся гном. – Дракон на них налетел, лошадей распугал, огнем людей пожег. Маги по нему и так и эдак, а не выходит ни черта. И водными бичами говорят его били, и ледяные стрелы кидали, и огненные шары по нему пускали, даже ураган и бурю с молнией успели устроить, пока он их не спалил. А маги были не шушера какая, магистры из княжеского совета. Полегли все. Один князь жив остался.

– Да ты что, – поддакнул я.

– Да точно говорю. Дракон около него приземлился и говорит ему голосом человеческим:

– Ты, мол, на меня напал, я тебя победил. Плати теперь мне дань. Каждый месяц по корове, да девку, помоложе, да понежнее, гурман, будь он неладен, а раз в год пуд золота, – эмоционально и «в лицах» рассказывал Рогур.

– Князь потужил, да делать нечего. И пошел по всему княжеству стон великий. Потому как с каждого города да деревни требовалось по жребию дань человеческую отдавать зверю. Да и пуд золота на дороге не валяется. Налоги стали тяжкими, да все равно казна пустела. Три года такое безобразие длилось.

– Во все концы были вестники посланы. К концу третьего года, чтоб народец стал быть не бунтовал, решение приняли: девок – в Суре покупать. У нас-то рабства нет, а в империи и рабство, и работорговля почитай один из главных источников дохода их казны, потому как монополия императора. Да и рынок рабов там самый большой. Послали, значит туда корабли. Но все ж не по совести это как-то. Но к концу того года нашлась, значит, и на дракона управа. Не то чтобы Семиречье бросило Загорье на произвол судьбы, пытались и местные дракона приструнить. Да не вышло у них. Этот гад, даже одного тогдашнего магистра школы уколошил. Так что желающие перевелись.

– Ну, как сказал, – продолжил Рогур, – к концу третьего года, явилась ко двору сиятельного князя бригада героев. Команда значить. Всего-то шестеро, но какие. За главного у них был знатный вояка, из северян. Здоровенный детина, волос черен, глаза как Серое море, саженого росту. Не иначе как бабка его, с орком дуларанским отчудила. Хотя лицом, так человек, даже вроде красавец был, все девки там по нему сохли. А были с ним еще пара стрелков северных, тощие, поджарые, а луки так больше их самих. Ну и колдун, ясно дело. Сам как скелет и глазами как зыркнет, так оторопь берет. Был у них еще тролль. Настоящий. Уж как он туда попал, даже не представляю. Роста от силы три локтя с вершком, но главное, что и в теле столько ж. Шкура как камень и дубина чуть ли не с него размером из каменной сосны, что на пустошах Дуларана растет. А шестой у них была дева, из Озерного народа. Красоты неопишущей. По словам, одним прикосновением всякую хворь могла вылечить. В общем, сторговались они с князем, да и поехали на дракона.

– Тот старик, что мне об этом рассказал, тогда молодой был, жил в деревне неподалеку от гор, кузнечному ремеслу учился. А тут такое дело. Пошел он за ними, поглядеть, как дело будет, да и не один он такой был.

– А команда, значит, подъехала к горам и лагерем встала. Дева ихняя, над чашей склонилась, поколдовала и сказала, где дракона искать. На другой день они лагерь свернули и пошли. Дракон тот, как выяснилось, в пещере жил, за первым перевалом, полдня пути. Ну, любопытные, кто посмелее да помоложе, за ними увязались, хоть и издалека. На рожон лезть кому оно надо, а вот посмотреть, как дракона воевать будут, такое и раз в жизни-то не увидишь. Дошли они до лога, где пещера драконова была. За камнями да кустами попрятались, а маг ихний, со спины, сразу бубнить чего-то начал.

– Тролль вперед пошел, оно знамо дело, что эти твари туповаты, но чтоб вот так, да в пасть дракону.... Дракон услышал, что снаружи чего-то не то творится, вылез из пещеры. Сразу

тролля увидел и на него бросился. Хотел его хватануть, так тот его дубиной и приложил. Удар говорят, знатный был, таким крепостные ворота снести можно было, а дракону хоть бы хны. Морду отдернул, башкой помотал, и ну огнем палить. А тролль на него наступает. И никакого ему вреда от огня того драконьего нету. Потому как шкура у него, действительно, что твой камень оказалась.

– Тут из-за камней лучники в него стрельнули. Один в правый глаз, другой в левый. И вот ведь чудо, обе стрелы попали, да и застряли. Не иначе наконечники заговорены были. Потому как вся княжеская дружина, как ни стреляла, а даже поцарапать шкуру не смогла, хотя и били по глазам да в пасть. Как он заревел. Аж листья на деревьях опали. Мечется, вертится, хвостом машет, зубами щелкает. Огонь во все стороны пускает.

– Тут прямо на него, сверху, прыгает ихний голова. И мечем, как рубанет, так и снес голову. Маг ихний еще побормотал, да и сунул в суму какой-то черный шар, не иначе как магический, который в руках держал. Того никто другой не видел, окромя моего рассказчика, значит. Он ближе всех подобраться решился. Дракон издох. Вожак их в пещеру залез, пошукать золотишка, да только так и вышел с пустыми руками, говорит, нет там ничего. Лучники залезли, нашли пару кусочков золота за камнями, и все. Куда девались те три пуда золота, что были данью посланы, так никому и не ведомо. Хотя, как герои те ушли за наградой княжеской, так местные не то что пещеру, всю долину перелопатили. Но так и не нашли ничего, – подытожил гном свой рассказ.

За разговорами прошел вечер, солнце село. На площади зажгли фонарь. Мы допили и доели все, что оставалось на столе. Многие уже спали, кто на лавке, кто под ней. Пошатываясь, я побрел в свою комнату. Плюхнувшись на матрас, набитый сеном, я провалился в сон.

А где-то далеко-далеко от Семиречья, в чернильно-черной темноте пещеры вспыхнули золотым огнем два огромных глаза. Огромная туша зашевелилась во тьме и выскользнула из пещеры, под серебристый свет полной луны.

Два немигающих глаза вперились в наполненное звездами ночное небо. Спустя миг, они сосредоточенно уставились на маленькую звездочку, стремительно плывущую в бесконечности пространства, среди кажущейся неподвижности других звезд.

Мощная когтистая лапа потянулась за этой звездочкой, пересекающей небесный свод. Длинный коготь, казалось, подцепил ее, и звезда, изменив траекторию своего полета, на секунду вспыхнула и пропала.

То, что на человеческом лице можно было бы принять за невеселую улыбку, тронуло зубастую пасть чудовища. Затем взметнулись огромные крылья, на мгновение скрыв звезды и луну. Огромная тень взлетела и растаяла в ночном небе.

Глава 3

Пробуждение трудно было назвать приятным. В висках гулко бухала кровь, веки были налиты свинцом, а где-то в области затылка противно переливалась боль. Отдав команду на «реанимацию» организма, я снова погрузился в дрему. Через минуту похмелье выветрилось и, сполоснувшись в тазике, я пошел вниз. Гномов в зале уже не было, зато со двора раздавался зычный бас Рогура, командовавшего погрузкой возов, запряженных парами быков. Моя повозка стояла поодаль. Крикнув мальчишке конюшему, чтобы запрягал, я направился к гному.

– Доброго утречка, – махнул он мне рукой.

Поприветствовав его, я стал смотреть, как загружают возы. Помимо всякой утвари, одежды, инструмента, еды, в них загружали и какое-то оборудование.

– А это чего? – полюбопытствовал я.

– Так все свое вожу с собой, – ответил гном. – На новом-то месте, Тар его знает, какой инструмент дадут, да и негоже гному инструмент клянчить, если уж мы за работу беремся, то у нас все для нее есть. И добыть руду, и переплавить можем, да и слитки отлить.

– А Тар это у вас бог? – сразу полюбопытствовал я.

– Эх ты, торговец. Тар это наш дух, покровитель подземного огня и ремесел. Это он открыл нам путь из Большой Тверди, в пещеры Черных гор, а было это 6452 года назад. Боги Большой Тверди прогневались на нас, ибо наши шахты стали так глубоки, что побеспокоили их жилища, а Тар спас нас, вывел в новый мир и укрыл от их гнева.

– Неужто шесть с половиной тысячелетий назад? Как же вы помните это? – изумился я.

– У нас, у подземного народа, память долгая. Гораздо дольше, чем у людей. Да и живем мы побольше. Мне вот через пару месяцев 142 года стукнет, а старейшему в Черных горах, уже под пятьсот. Правда он глух как тетерев и в бороде путается, но из ума еще не выжил.

– Да... – протянул я, – а люди тут давно появились?

– Этого я не ведаю. Первые пару тысяч лет, мы из Черных гор и не вылазили. Да и мало нас тогда было. Это потом, из других мест сюда еще кланы пришли. Да и мы потихоньку размножились да расселяться стали. Ну, помоги нам Тар, поехали, что ли.

Погрузка закончилась. Гномы расселись по возам, и мы выехали за ворота постоянного двора. Гномы впереди, а я за ними.

Проехав через город к западным воротам и махнув на прощание страже, мы покатали по проселку, затайливо петлявшему между холмами. Пологие холмы были расчерчены квадратами полей, перемежавшихся где перелесками, где живыми изгородями из шиповника, а местами и просто невысокими стенами, сложенными из камней и жердей. Постепенно поля стали встречаться все реже и реже, а леса по обочинам становились все гуще. Мы вброд переправлялись через несколько больших ручьев или даже маленьких речушек, недостаточно больших, чтобы ставить через них мост.

Солнце основательно припекало, но деревья, смыкавшиеся пологом над дорогой, давали приятную прохладу. Чем дальше мы удалялись от Руста, тем чаще стали встречаться дикие звери. Пару раз в чаще мелькали пятнистые бока оленей, а один раз дорогу перед нами перешло целое кабанье семейство.

Не слишком густой широколиственный лес, был наполнен изумрудными тенями с проблесками золотых лучей света. Попадались буки, дубы, березы и еще какие-то деревья, которые я не опознал. В прогалинах раскинула свои арки лещина. Приятно ехать по такому лесу в такой день. Дорога не слишком ухабистая, хорошо укатанная, ложилась под колеса и терялась

за поворотами. Ехали мы без особых приключений и к тому моменту, как солнце перевалило за полдень, и Рогур объявил привал на обед, за спиной у нас осталось уже добрых пятнадцать верст. Я отдал в общий котел часть специй и остатки съестных припасов, что у меня были. Над котлом потянулся ароматный дымок. Рогур достал длинную трубку с небольшой чашечкой и, набив ее, раскурил от уголька. Густой синий дымок поднимался вверх и таял на легком ветерке, лениво шевелившем листву.

Обед вышел простым, но вкусным. Похлебка из сушеного мяса с бобами, местной картошкой, луком и специями. Густое варево было сытным, и от добавки я отказался. То, что я называл картошкой, на нее походило не слишком сильно. По виду она больше напоминала крупную морковь, хотя по вкусу и цвету больше походила на картофель. Видимо, лингводекодер, при формировании словаря, учитывал ее вкус, а не вид.

– Скажи Рогур, – обратился я к гному, – сколько нам до Дребеня добираться? Я еще не бывал в этих краях. Только рассказы слышал, да карты видел, а по ним, расстояние можно определить только приблизительно. Я свое большое торговое путешествие начал с востока и решил его закончить сплавом по Ару из Черных гор. Ты же слышал о наших обычаях.

– Да, слышал. Но не слишком вы, торговцы, о них распространяетесь. А до Дребеня нам ехать наверно дней десять, если нормально все пойдет. Сейчас на северо-запад до большака, что из Арана к Сереброструю идет. Это полтора верст будет, а там еще столько ж до Дребеня. За Дребенем-то, выше по течению, Среброструй из-за порогов уже мелковат для судоходства. А вот от Дребеня, вниз по течению, ходят баржи. Плотогоны лес с Зеленых гор гонят к морю. Да и купцы по большаку из Арана в Семиречье и обратно через Низкий Лог идут.

Просветив меня в местной географии, гном отложил трубку. Обед уже закончился, и пора было собираться в дорогу.

Один день сменял другой. Погода стояла ровная, лишь раз мы попали под небольшой дождик. Пару раз мы останавливались на ночлег в деревеньках. К концу пятого дня пути мы остановились на постоялом дворе у перекрестка дорог, связывавших несколько деревень. Сославшись на усталость, я пораньше ушел к себе в комнату, решив, что прошло уже достаточно времени, и пора бы уже выслушать отчеты подчиненных, проведя очередной сеанс конференцсвязи, а заодно отправить отчет на базу. По времени Земли-0, прошло всего трое суток. Но пора бы уже и дать первый отчет о проделанной работе. Сообщить то, чего не могли сообщить датчики и автоматизированная разведка.

Настроив канал связи в режим брифинга, я стал ждать, когда члены моей команды выйдут в онлайн режим.

Первым на канал вышел Заг. Рассказал, что подкорректировал внешность до полуорка. Они тут временами встречаются и их с удовольствием брали на корабли в качестве воинов. Устроился он на корабль вольного братства. В портах черной земли не принято было спрашивать, кто ты и откуда. Если без цепей, с оружием и боевым блеском в глазах, то значит – вольный воин или моряк.

На островах юга и на побережье Черного континента, царила корсарская вольница. Процветали пиратские коммуны. На каждом более-менее крупном острове и в освоенных бухтах южного материка, правили ургаи, с их советом из числа наиболее уважаемых капитанов, плативших дань в общий котел. Ургай, избирался по решению совета наиболее влиятельных капитанов и правил до той поры, пока его политика устраивала большую часть граждан коммуны. Разумеется, наиболее влиятельных граждан. Законы были соответствующие, в основе лежал неписанный кодекс вольного братства. Некоторые коммуны враждовали между собой, некоторые заключали альянсы, однако разваливались они так же быстро, как создавались. Капитаны могли переходить из одной коммуны в другую, если их не устраивали порядки, вводимые ургаями. Процесс был несложен. Взнос в общий котел, да сменить второй флаг, обозначающий

принадлежность к той или иной коммуне. Ну, и десяти процентный калым с награбленного или заработанного в казну ургая.

Хотя некоторых, наиболее влиятельных капитанов, владевших подчас небольшими флотами, ургаи сами старались переманить на свою сторону, и потому, вместо первоначального взноса готовы были еще и приплатить.

На Черных землях, которые удавалось отвоевать у ящеров, и на некоторых островах произрастали экзотические фрукты. А на побережье южного континента встречалось растение, из цветов которого, делали сильнейший наркотик кранк, ценившийся на вес в сто раз дороже золота. На восточных островах архипелага было несколько копей, где добывали изумруды, а на отмелях промышляли редчайший черный жемчуг. Купцы, торговавшие с Вольным братством, платили за патенты и могли более или менее спокойно плавать по южным морям. А вот если на острова ополчалась империя, или какое сильное царство, то пиратский флот, забыв о старых распрях и дрязгах, сплывался, и давал отпор.

Заг, придя в порт, завербовался на корабль, принадлежащий ургая острова Карира, и в данный момент уже плыл на север, охраняя груз кранка и ярких шкур каких-то ящеров. Вопросы ему особых не задавали. Обещали плату, по серебряному дуниру в день и процент с прибыли. Писец, составил договор, который Заг засвидетельствовал отпечатками больших пальцев рук, на чем формальности и были исчерпаны. Разве что еще пришлось приложить пару раз между глаз корабельному буяну, в качестве доказательства своей состоятельности как воина. После такой демонстрации силы, демонстрировать владение оружием даже не потребовалось.

К каналу присоединилась Анечка.

– Привет Ал, – сразу начала она. – У меня все хорошо. Устроилась я в пещере, в одной из низин, около небольшого вулканического озера. Местное население меня приняло. Тут встречаются отшельники, и к ним не принято проявлять повышенный интерес. Главное, не строить постоянных жилищ. На то, табу у местного населения. Они, в смысле жилища, оскорбляют богов и сковывают ветер, лишая свободы всю степь. Что это значит, я пока еще не разобралась, но так сказал один старый орк, шаман клана Тагарок, который через мою долину проходил. В местных сопках, ему нужна была какая-то глина, не то для врачевания, не то для ритуала.

– А так, если не придирается к деталям, так вокруг у меня плейстоцен, причем полный. С поправкой на население, конечно. Но оно тут вписалось довольно органично. С соседями уже немного познакомилась. Вчера вот ходила по грибы-ягоды, на болото, так наткнулась на медведя, изрядный надо сказать мишка. Я от него, он за мной. Но тут из кустов вываливается такая образина-троль, метра полтора ростом и столько ж в объёме. Как саданул косолапому дубиной по башке, тот сразу лапы и отбросил. А троль его легко так, без особых усилий, за заднюю лапу хватил, и уволок в кусты. Я его еще через день видела, он, как выяснилось, в соседней долине обитает. Шкура у него, что камень. Толстая, грубая, сероватого цвета и без волос совсем. Если не двигается, то и не увидишь. Живет в пещере со своей «женой». Она любопытней оказалась. Я ей корзину плетеную с ягодами на шарик стеклянный сменяла. Так и живу. Осваиваюсь потихоньку.

На связь вышли Иза и Санди. У Изы новостей было не густо. Пристроилась младшей послушницей в храм богини Сахем. Разбирается с местной теологией и политикой. Но ничего особо интересного пока сообщить не может.

– Скромничает поди, – подумалось мне, – готовит какой-нибудь исчерпывающий доклад.

А вот главная новость Санди после общения с Рогуром была для меня уже не совсем новостью. Но кое-что интересное он тоже рассказал. Как ему удалось выяснить, на планете обитало несколько кланов гномов, пришедших в разное время из разных миров. Технологический уровень у них был несколько выше, чем у остальной планеты, однако технологии эти были странные и во многом связаны с магией. Правда, в сами пещеры он пока еще не заглядывал, а пристроился подмастерьем на кузню, которой владел гном. На Громовом плос-

когорье жило немало людей и гномов. С гномьей техномагией он разобраться еще не успел, поэтому, кроме общих исторических фактов сообщить ему пока нечего. А из политики, у них там несколько деревень со смешанным населением, образованных вокруг горных выработок, со скудным сельским хозяйством и Торговый городок Мархуш, на юге, в верховьях Ара, куда приходят торговые караваны из Арана, северных королевств и княжеств Су-Ара.

Через пару минут на канал вышел Серега.

– Ты чего так долго Замора? С дерева что ли, слезть не мог? – поинтересовался я.

– Да иди ты. В этом парке юрского периода надо глаза на затылке отрачивать. Тут вроде тихо, а не успеешь отвернуться, так какой-нить спиногрыз, уже к тебе сзади пристроился и норовит откусить от тебя пару кусочков. В общем, пока до пещеры добрался, пока вход заткнул колючками....

– Ясно, ладно не обижайся. Чего нового узнал?

– Да пока не густо. Выяснил примерно, где драконы гнездятся. По крайней мере одна из стай. Живут они стаями. Но друг с другом не воюют. Я тут кой-какие приборчики сконструировал. Выяснил, что между собой они общаются направленным низкочастотным ментоизлучением. В общем телепаты. И частично звуками. Могут выдыхать огонь. А так, пока осторожно к ним подбираюсь. Наблюдаю.

– Ясно. Ты там с ними поосторожней. Мне тут кое-какая информация из местных источников досталась. Факты, конечно, сомнительные, но все же. Есть предположение, что драконы каким-то образом могут изменять вокруг себя пространство, не давая вносить в него магические, а может и физические изменения. Так что ты там с ними поосторожней. А то, глядишь, с них станется и тебя в стазис уложить, до разбирательства. Да так, что и на базу тебя вытащить не смогут.

– А еще, други мои, – сказал я, обращаясь ко всем, – выяснил я, что есть у местных магов интересный артефакт, который предположительно, позволяет выборочно изменять индекс стабильности. Я вкратце пересказал историю победы над драконом. Так что, всем держать ушки на макушке и собирать информацию. Себя не раскрывать. А то мало ли, какой местный спящий божок или не в меру ретивый маг заинтересуется, кто мы и откуда, да на землю не дай бог пролезет. Тут сами понимаете, чего случиться может. Ладно. Конец связи.

Эрик на связь так и не вышел.

Закончив брифинг, я связался с базой и отправил отчет о собранной информации и ее анализе на месте. А так же запросил, что там с Эриком.

Ответ пришел минут через двадцать. Говорил лично босс. С Эриком вышла незадача. Пока он сидел на опушке и, не отходя от побережья, изучал лес, который, как выяснилось, был почти единым организмом, точнее весьма сложным симбиозом различных форм, лес заинтересовался им самим. Облик ему оставили человеческий, не стали сразу в эльфа рядить. В общем, сидел он у дерева, рассматривал корни и тут, из-за этого дерева, вышло двое «эльфов», симпатичной такой наружности, похлопали по плечу и предложили, как говорится, «пройти с вещами на выход». Дергаться он не стал.

Отвели его на пару километров вглубь леса, там у них, что-то типа лесной заставы наблюдалось, посадили в шалаш. Потом их старший его допросил. Вежливо так, не слишком напирая. Эрик ему сочинил историю о том, что он жертва шторма и кораблекрушения, что был простым рыбаком с Холодных островов. Отправился на промысел. Их корабль в тумане снесло на юг. А потом вдруг налетел шторм, и понес их корабль неведомо куда, а если подумать, то на запад, и разбил о рифы. Вся остальная команда погибла, а он плыл два дня, пока не доплыл до этой земли.

История, конечно, несколько сомнительная, но зато сходу. Старшой подумал, пробормотал что-то о заблудших братьях, обратившихся ко тьме, и ни о чем больше спрашивать не

стал. Сказал только, что завтра он отвезет его к мудрейшим, чтобы они почистили ему память, а потом его отвезут на один из Холодных островов.

Смекнув что к чему и доложив обстановку сразу в центр, было принято решение отозвать его на базу, во избежание возможного провала. Используя спецфункции организма, Эрик вполне благополучно слинял из лагеря, благо его и не охраняли. Добрался до океана и, отплыв на пару километров от берега, ликвидировал тело и отбыл на базу. Так что если чего и найдут, то проследить, куда именно он делся, будет проблематично. Как говорится, концы в воду.

Что же касается отчета. Остальной группе продолжать работу в текущем режиме. Но брифинги по возможности не проводить, пользоваться индивидуальной связью. По непонятным причинам, несколько дней назад, с орбиты сошел спутник связи. С базовой исследовательской станции, находящейся на лунной орбите этого мира, был выведен резервный спутник. Орбиту ему задали максимально удаленную, на пределе резонанса дубльчастиц используемых встроенными биокомпьютерами.

– Сам понимаешь – это не подключение сознания, это передача информации в текущем настоящем, поэтому предельное расстояние меньше чем хотелось бы. Высота орбиты менее четырехсот км. Так что остается только надеяться, что резервный спутник не повторит участи собрата, – просветил меня босс.

Лично для тебя: 1) Продолжать сбор информации о мире и местных магах. 2) Продолжать принимаемые меры по налаживанию личных контактов с местным населением, в перспективе вербовка и создание местной агентурной сети. 3) Принять меры по выявлению причин природных аномалий, наблюдавшихся на западе от Семиречья. 4) Разузнать про единорогов, популяция которых обнаружена в локации «Озерный край».

И главное! Проверить информацию о создании локального участка с измененным индексом стабильности континуума и, по возможности, завладеть или хотя бы изучить означенный в истории артефакт.

– Вопросы есть? – воззвал ко мне руководительский глас.

– Да. Как вы себе представляете завладение артефактом? Типа «извините, можно у вас этот шарик взять подержать, ненадолго, мы его вам даже отдадим, может быть, когда-нибудь потом, если получится...»

– Не ерничай. Сначала разузнай как да что, а там глядишь, чего-нибудь и придумаем. Может, выкрадем, может, купим. Это уж по результатам. Главное, сам не светись. Если не знаешь, то спроси меня как... Ладно. До связи.

Время было ближе к полуночи, и мудро рассудив, что утро вечера мудренее, я отошел ко сну.

Глава 4

День был так себе. Моросил дождь. Видимо, кончалось лето, хотя какое, к черту лето. В этом мире, то, что с натяжкой можно было бы назвать южной Европой, находилось едва ли не на экваторе, правда находилось на возвышенности и охлаждалось холодным течением, проходившим вдоль всего побережья Семиречья и дальше на юг, поэтому понятие сезонов, тут было весьма условным. Круглый год ровный умеренный климат. Позавтракав, мы вновь отправились в путь. Дорогу развезло и тяжело нагруженные возы оставляли за собой глубокие колеи. Однако к полудню светило снова показало свой лик и дорога подсохла.

Как и обещал Рогур, до Дребеня мы добрались к исходу десятого дня совместного путешествия. Дребень оказался веселым, бойким городком, лежащим на торном пути, и выполнял роль пересадочного узла. Вдоль причалов, растянувшихся на добрую пару километров, стояли барки, лодки, баржи, плоты и всевозможные плавсредства. Чуть ли не все, что могло держаться на воде. Разве что тазов не наблюдалось. А вот пара лодок, действительно, больше походила на корыта, и бойкий паренек предлагал совершить на этих сомнительных кораблях, «незабываемое» путешествие на болота, всего в версте от Дребеня, и поохотиться на болотную птицу или посетить знаменитую щучью отмель.

Отказавшись от столь заманчивого предложения, я присоединился к гномам, выбиравшим баржу для спуска по реке, достаточно вместительную для двух возов с волами и моей повозки. Такое судно нашлось метрах в трехстах от улицы, по которой мы спустились к причалам. За три золотых, владелец обещал доставить нас в Дароград в «лучшем виде» и всего за пять дней. А если глубокоуважаемые пожелают, то и обратно, но уже за пять золотых. Подивившись поначалу такому разбросу цен и изучив противоположный берег, я сообразил, что обратно-то, против течения, дорога займет изрядно больше, да и утоптанная тропа, вившаяся вдоль противоположного берега, навевала воспоминания о небезызвестной картине «Бурлаки на Волге». Но, обратный фрахт «глубокоуважаемых» не заинтересовал и, быстренько погрузившись, мы отчалили, и наш «челн» заскользил по воле вод к далекому морю.

Среброструй, действительно, оправдывал свое название. Речной песок, устилавший его дно, имел сероватый оттенок, и вода, пронизанная солнечными лучами, действительно, серебрилась.

Течение было довольно заметным, и баржа, делала наверно километров пять-шесть за час. Время от времени, мы обгоняли длинные плоты, жавшиеся к берегу. Пару раз нам навстречу попадались команды местных бурлаков, тянувших баржи вдоль противоположного берега.

Я оценил прелесть такого путешествия. Как же приятно в солнечный день расположиться на носу баржи, под навесом, и наслаждаться живописным проплывающим за бортом пейзажем. Или смотреть, как блескучие рыбешки резвятся в прозрачной воде, испуганно удирая в стороны, едва их коснется тень нашей баржи. Эх, был бы я художником....

А через пять дней мы приплыли в Дароград. Столичный город производил впечатление. Высокие крепостные стены, сложенные из огромных каменных блоков, ярко зеленые крыши башенок с позолоченными флюгерами. Пряма картинка. По берегам – две мощные башни, в задачу которых входило натягивать толстенную цепь поперек реки, если найдутся враги, которые пожелают напасть на одно из сильнейших княжеств Семиречья. Но таковых уже давно не находилось.

Последний раз, по «серьезному», тут воевали больше века назад. Когда король Холден, правивший королевством Хальк в среднем Су-Аре, подмяв под себя окрестных князьков, вознамерился создать империю. Перевалив через Громовой перевал (широкий перевал, в Эйзаре,

через который идет тракт, соединяющий земли Су-Ара и выходящий к среднему течению Среброструя, известный своими грозами), его армии вторглись в Семиречье и, сплавившись по реке, осадили город. Однако к морю им прорваться так и не удалось. А вскоре, совместные дружины князей Семиречья и ополчение, подошли к осажденному Дарограду по Прибрежному тракту, а с моря, по Среброструю, поднялся флот. Захватчики были отброшены и бежали по малым перевалам обратно в Су-Ар.

О той битве мне поведал все тот же Рогур. В ту пору он был совсем молодым, и как сам признался, его, вместе с другими подмастерьями, присоединили к ополчению. Но на его счастье, путь из Загорья в Дароград долог, и пока они шли, битва уже благополучно закончилась, и на полпути их завернули обратно.

На мой резонный вопрос, а какое он имеет отношение к местным заварушкам, гном ответил, что в Семиречье, к трудовому контракту, в принудительном порядке прилагались гражданские права с обязанностями того княжества, с которым подписан договор, в том числе, и участие в ополчении

– А что же маги?

– Так маги-то, они напрямую воевать не могут, если только им самим не угрожает опасность. Давным-давно был конвент магов, на котором встречались маги со всего мира. И постановили они, что во имя сохранения мира в целостности, не должно им принимать участия в войнах, если только не воюют против них самих. Нарушителю, буде такой объявится, грозила война со всеми магами сразу. Поэтому маги у нас в войнах если и участвуют, то только косвенно, обрушить огонь на армию – нарушение запрета, а вот по просьбе князя устроить горный обвал или разлив реки, в том месте, куда армия направляется – так вполне возможно. Или, к примеру, заговорить стены, чтобы их таран не брал.

Обо всем этом Рогур рассказал мне, когда мы плыли по реке.

Вместе с гномами мы остановились в гостинице «Медвежья берлога», неподалеку от пристани. Гномы отправились на рынок, а я решил прогуляться по городу и посетить библиотеку в местном университете, созданную при активной поддержке «Школы Стихий», стоявшей на высоком скальном выступе неподалеку от города.

Зайдя в библиотеку, я уперся в небольшую конторку, за которой маячил пожилой старичок архивариус.

– Доброго дня вам, почтенный архивариус, – приветствовал я его.

– И вам того же, любезнейший, – ответил он мне. – Чем могу служить достопочтенному Аранскому купцу? – спросил он, окинув меня оценивающим взглядом.

В общих чертах, я заранее составил план, как узнать подробности интересующей меня истории так, чтобы не вызывать лишних вопросов по поводу моего любопытства.

– Слышал я, во время своего путешествия, прелюбопытную историю, – начал я. – Будто когда-то, жил в Семиречье взаправдашний дракон. Прямо такой, как описывают его в сказках. И стало мне интересно, неужели это и взаправду было.

– Представьте себе, молодой человек, такой факт истории действительно имел место быть, – расплылся архивариус в улыбке. – Мало того, тому даже сохранились вполне достоверные свидетельства и документы. Шкуру того реликтового рептилоида, вы можете наблюдать на Потешном Дворе сиятельного князя Загорья. А у нас, в архивах, есть вполне достоверные описания той истории, записки уважаемого магистра Региля, производившего исследование туши того дракона, и даже копии зарисовок мастера Валимира, придворного художника загорского князя, ныне, к сожалению, уже почившего.

Видимо, библиотека, как и большинство ее сестер в нашем мире, не страдала от большого наплыва посетителей, да и не в меру прилежных студиозусов по случаю каникулярного времени в ней не наблюдалось. Старичок архивариус, явно страдал дефицитом общения. Оставив конторку на произвол судьбы, он под руку увлек меня в недра обширного книгохранилища.

– Не желаете ли чашечку чая, с мятой и капелькой меда? – предложил он мне. – Да, простите мою рассеянность, забыл представиться, меня зовут Славур Долин, я тут работаю архивариусом и занимаюсь историческими исследованиями, с той поры, как маги школы, не найдя у меня даже зачатков магических склонностей, сказали, что мой путь к магическим наукам закрыт.

– Заран, – просто представился я.

Старичок провел меня в уютный малый читальный зал, обставленный весьма неплохо: уютные кресла так и приглашали присесть на них, а на невысоких столиках стояли лампы с зелеными абажурами. Как бы невзначай заглянув под абажур, я определил их как керосиновые, хотя чем их тут заправляют, предполагать не решился.

Славур тем временем хлопотал вокруг. Как по волшебству появились две чашки, чайник и небольшая изящная плетеная вазочка, наполненная до краев печеньем и какими-то местными сладостями.

– Так вот, возвращаясь к нашей беседе, – продолжал словоохотливый архивариус, нашедший в моем лице благодарного слушателя. – Должен заметить, что тот рептилоид, это, пожалуй, единственный экземпляр в наших краях за почти тысячелетнюю историю наблюдений.

– Этот случай, вызвал широкий резонанс в научных кругах всего мира. Взглянуть на чучело, данного рептилоида, приезжали даже представители имперской академии из Сура. Прелюбопытный образчик, надо сказать. К сожалению, подробное выяснение его физиологии было затруднено, потому как к тому времени, как ученым удалось добраться до Загорья, шкуру уже сняли, а внутренние органы предали земле. Но все же, внешние данные собрать удалось.

– Экземпляр сей, имеет полста локтей в длину, от головы до кончика хвоста, а размах крыльев составляет и того больше. Крылья кожистые, перепончатые. Что самое интересное – крылья эти, являются не традиционными конечностями, а представляют из себя сильно измененные отростки спинных позвонков. Четыре же традиционные конечности, имеют по четыре пальца, три из которых направлены вперед, а один им противостоит, создавая тем самым конечность хватательного типа, впрочем, противостоящий палец весьма подвижен и может практически полностью прижиматься к передним. Каждый палец снабжен длинным и острым когтем, твердость которого не уступает стали, а возможно и превосходит оную. Даже блеск их имеет металлический оттенок, как впрочем и шкура.

Глаза имеют полупрозрачную мигательную перепонку, не уступающую по прочности лучшим образцам паучьего шелка, используемого в военной промышленности Сура. Голова же зверя, имея шесть локтей длины, соединяется с туловищем длинной шеей и была отделена от оногo, предположительно в районе десятого – двенадцатого шейного позвонка. Пасть развешается на две трети длины головы и снабжена острейшими белыми зубами саблевидной формы, длиной до одного локтя.

– А как насчет магического потенциала дракона и убивших его? – прервал я поток лившихся на меня данных. В конце концов, биометрические параметры и физиология драконов – это задача Заморы, у него их там много и в естественной среде.

– Да, конечно, – сменил тему Славур, – вам, молодым, конечно, интересней про битву, да про магов. Ну что ж, извольте. Дракон тот, стал причиной смерти нескольких магов, пытавшихся его извести. Причем, должно заметить, весьма сильных магов, магистров. Однако, как известно из записей, магическое воздействие не причиняло дракону практически никакого вреда. Все, что маги обрушивали на него, либо пропадало едва приблизившись к дракону, либо отражалось, не причиняя оному вреда, при этом, чем ближе к дракону находился заклинающий, тем слабее был эффект магии. А между тем, огонь дракона, несмотря на все меры предосторожности, проходил защиту магов, попросту игнорируя ее. Одного попадания хватало для почти мгновенного испепеления. Даже не испепеления, а буквально взрыва, по словам немногих выживших очевидцев.

– А тот маг, что был в команде героев, убивших дракона? – любопытствовал я, – чем таким он пользовался, что стрелы и меч смогли пробить шкуру дракона, а его огонь не причинял вреда?

Архивариус подозрительно глянул на меня.

– Вы удивительно любознательны, молодой человек. Что ж, отвечу. Хотя мне и неприятен сей факт, но вынужден признать, что маг, входящий в труппу героев, был чернокнижником. Приверженцем, и вероятно магистром запрещенной уже более семисот лет назад во всех цивилизованных землях, школы восьмой стихии. Хотя далеко на севере, в горах Гарт, еще и сохраняются остатки недобитых последователей школы восьмой стихии. Потому что, когда 2й конвент вынес решение о запрещении школы, ее последователи и приверженцы подняли бунт. Вам знакома Паленая Пустошь на северо-востоке Ангай?

– Да, я слышал о ней, там ничего не растет, а по ночам там бродят призраки. Оказаться рядом с пустошью ночью – все равно, что совершить особо изощренное самоубийство.

– Так вот, когда-то, в центре того места, что ныне зовется пустошью, на берегу озера Лал, стоял довольно большой город Трагай. А в городе том, была магическая академия Срединных Земель. В те времена, ландшафт и климат отличались от нынешнего. Климат в Ангае был более влажный и прерии не распространялись так далеко на север, как сейчас. А по Ангайской равнине текло немало рек. Но, в один день все переменялось.

– Адепты 8й стихии, не захотевшие отказаться от ее использования, устроили демонстрацию силы, произошла великая битва магов. Многие погибли в той битве. Как написано в хрониках, сама земля стонала от мощности заклинаний. В первый же день боя, город был испепелен, озеро просто выкипело. А битва шла два дня, к концу которых выжившие полностью истратили отпущенные им силы

– Предводитель мятежников – Арух, прозванный впоследствии Проклятым, собрал остатки своих приспешников, шесть магистров восьмой стихии и перенесся с ними в северные королевства. Там, в горах Гарт, и был потерян их след.

А конвенту, в то время, было не до их преследования. Битва, в которой использовалась такая мощная магия, затронула сами основы мироздания, а потому все, кто остался, бросили свои усилия на то, чтобы исправить ущерб, причиненный земле. Но полностью устранить последствия так и не получилось.

Многие погибли во время первого удара мятежников. Никто не ожидал такого. Ночью, когда большая часть делегатов конвента разошлись по своим покоям, мятежники ударили по жилому крылу академии Проклятьем глубин. Когда же те, кто в ту ночь был на ногах, и те, кто даже во сне поддерживал достаточно мощный щит, собрались и дали отпор, численный перевес был на стороне мятежников.

Однако среди выживших магов академии и делегатов конвента были почти все сильнейшие маги срединных земель. Они смогли объединить усилия и пробить защиту чернокнижников. Но было уже поздно. Мятежники не стеснялись в средствах и использовали все самые разрушительные заклятья всех стихий.

Наиболее страшные разрушения нанесли элементали огня и воздуха. На несколько лиг в округе, сгорело все, что могло гореть. От города остались одни оплавленные камни.

Пятеро из магов конвента, так и остались стоять на поле боя, скованные заклятьем Вечного Молчания. Даже выжившим магам конвента не удалось его разбить, потому как заклятье это, использовало сразу несколько стихий, а основу его составляла восьмая. А все кто был достаточно осведомлен в ней, либо бежали с мятежниками, либо пали во время битвы. Тех же умений и знаний по восьмой стихии, которыми располагали победители, не хватало на то, чтобы разбить заклятье, наложенное высшим магистром.

– А что это вообще за стихии, – любопытствовал я, – простите мудрейший архивариус, мне мою неосведомленность, но боюсь, у меня крайне скудные познания в теории магии.

– Ну что вы, что вы, – успокоил он меня. – Вы же не специалист, хотя тут все просто. Современная общепринятая магическая теория, доминирующая в срединных землях выделяет 8 стихий. Четыре стихии, так называемые элементарные, происходят от элементарей огня, воды, земли и воздуха. А другие четыре, связаны с жизнью, хотя одна связана скорее со смертью. Так вот, это стихии дерева, зверя, духа, а та самая восьмая – это стихия смерти. Точнее не только смерти. Она отвечает за рождение и смерть. За переход живого в не живое и обратно.

– А чего ж ее запретили? – поинтересовался я, – ведь полезно знать о происхождении жизни, процессе смерти, да и на многие теологические вопросы можно было найти ответ.

– Это конечно так, но увы, подавляющее большинство адептов озадачивалась далеко не решением философских вопросов, а поисками бессмертия для себя и созданием покорных слуг для удовлетворения своих извращенных потребностей. К тому же, большинство их экспериментов, приводило к созданию огромного количества разнообразных и весьма отвратительных чудовищ, а против поисков ими ответов на теологические вопросы, стеной встало абсолютное большинство жрецов и адептов всех религий и богов, какие есть в мире. Потому, как по их вполне обоснованному мнению, копание некромантов в святая святых их веры является кошунством.

– Некроманты... хмм.... Пожалуй, что так, – подумал я, согласившись с предложенной лингвodeкодером альтернативой для «адепта стихии смерти».

– И так, до сих пор, по миру, то там, то сям вылезают из темных мест последствия их бездумных экспериментов над природой. Правда, они встречаются уже гораздо реже, но все равно остались места, где они плодятся и множатся по сию пору. Взять хотя бы великие топи Ахенны, раскинувшиеся к западу от Сорборского княжества. Если бы не стражи границ, они наверняка добрались бы и сюда. Топи Ахенны простираются на огромное пространство. Никому из ныне живущих, даже магам, не удалось их преодолеть, а на север они доходят до самого Озерного края. Впрочем, Озерный край – это тоже загадка. Тамошние жители хоть и похожи на людей, но все же имеют отличия, да и чужаков на свои земли они не пускают. Иногда, правда, сами приплывают в Фальк (городок стоящий у истоков Су-Ара, на берегу озера Ломар), но торгуют они редко.

– А еще, – продолжал старик, – некромантию стоило бы запретить хотя бы из-за тех чудовищных экспериментов, что они проводили над людьми. Детей до сих пор пугают сказками о них. Правда должен признать, что некромантия до сих пор изучается в большинстве магических образовательных учреждений, но преимущественно в теории, а на практике не далее 3й ступени и то частично. С этим приходится мириться, так как это – неизменный заказ городской стражи и департаментов по поддержанию правопорядка. Без этого, было бы проблематично вести следственные действия.

– Это как? – спросил я.

– Нууу.... – протянул Славур, – для примера, если произошло убийство, скажем, то можно допросить покойного, если прошло не слишком много времени. Или, скажем, по волосу или капле крови воссоздать внешность человека и даже определить место нахождения одного.

– Сильно, ничего не скажешь, неплохая замена анализу ДНК, – подумалось мне.

За окном сгущались сумерки. Поговорив еще немного о чудовищах и магах, я вернул наш разговор к изначальной теме, но данных об именах геройской команды не имелось. Была только копия договора между Фергом, предводителем команды и княжеской канцелярией, о вознаграждении, причитающемся ему, в случае победы над драконом. Неплохое такое вознаграждение. Пять тысяч семиреченских золотняков. По моим прикидкам это выходило под 20 кг золота.

Попрощавшись со Славуром, и клятвенно заверив его, что как-нибудь обязательно к нему зайду попить чаю да поддержать беседу, я направился по улицам в сторону нашей гостиницы с символичным названием «Медвежья берлога».

Берлога и вправду оказалась неплохой и вполне уютной. В комнате, которую мне отвели, стояла кровать с толстым матрасом, на окнах висели цветастые занавески, а в конце коридора, вот уж диво дивное, обнаружился целый санузел вполне опознаваемого вида. Кроме того, за соседней дверью я нашел душ. От неожиданности я впал в ступор. Заметив мое замешательство, проходящий мимо парнишка из obsługi стал мне рассказывать и показывать, как пользоваться этими благами цивилизации, видимо сочтя меня темным выходцем из глубокой провинции. Попутно с гордостью рассказав, что до водопровода и канализации додумались местные маги, которые и сотворили это чудо. Не за бесплатно конечно, но на такие расходы, городская власть пошла с радостью, да и расходы на дальнейшую эксплуатацию и подключение к удобствам были возложены, как водится, на собственников жилья.

Прихватив из своей повозки, припаркованной у конюшни, смену одежды, я с удовольствием принял душ, а затем, «надраенным до блеска» и в самом благожелательном расположении духа спустился в трапезную, где и застал всю гномью артель в полном составе. На ужин нам подали пару запеченных поросят, изрядную порцию жареной картошки с грибами, острый луковый суп, зеленый горошек с кусочками бекона, а на десерт ягодный пирог. Все это сдобрилось изрядным количеством меда и весьма недурного пива местного сорта.

Пока шел ужин, Рогур сообщил мне последние местные новости, щедро почерпнутые им на рынке, а также известил меня, что они нашли место на корабле, отплывающем завтра на рассвете в Сорбор. Решив, что расторговаться можно и там, я сказал, что отправлюсь вместе с ними. Попутчики они хорошие, да и в Сорборе я наверняка смогу продать свой товар дороже, чем здесь. До него выходило еще четыре дня пути. Поболтав еще о том, о сем, мы разошлись по комнатам.

Проверив скопившиеся вызовы, и не обнаружив ничего срочного, я оставил отчеты подчиненных до лучших времен. Если бы чего стоящего обнаружили, так вызвали бы по экстренной связи, а так, пусть с их отчетами на базе разбираются. Устроившись поудобней и завернувшись в одеяло, я отошел ко сну.

На следующий день, поднявшись ни свет ни заря, мы выехали из ворот заднего двора гостиницы, сопровождаемые сонными позевываниями конюха. Погрузка прошла быстро. Назвать кораблем, судно, на котором нам предстояло добираться до Сорбора, можно было только с большой натяжкой. Это было большое плоскодонное корыто, с двумя мачтами и одним рядом весел по бортам. Даже на мой неискушенный морским делом взгляд, оно было мало приспособлено для морского плавания, однако проходивший мимо боцман заверил меня, что в открытое море нам выходить не придется, а для каботажного плавания годится и эта посудина.

Спустившись вниз по течению Среброструя, к концу дня мы вышли в широкий залив и, взяв курс на запад, поплыли в сотне-другой метров от берега, ловя ветер. Ночевать предполагалось на открытой палубе. Полюбовавшись прекрасным морским закатом, я присоединился к веселой компании, собравшейся на носу нашего кораблика.

Там, в окружении моих знакомых гномов, трех других пассажиров и незанятых на вахте матросов, восседал местный служитель муз. Бродячий менестрель. Яркость его одежды могла успешно соперничать с недавно наблюдавшимся морским закатом. Красный камзол с коротким рукавом и медными пуговицами, ярко-рыжие шаровары, заправленные в сапожки красной замши. Под распахнутым камзолом была надета золотистая шелковая рубаша.

Голос у него был довольно приятный, а подыгрывал он себе на пятиструнном инструменте по конструкции напоминавшем лютню. Пел наш музыкант о дальних островах, о жестоких и свирепых пиратах, о штормах, о рифах и прочей романтике. Звучало хорошо, а вот поэтическая составляющая, благодаря лингводекодру, осталась за границей моего восприятия. Спел он и балладу, о прекрасной деве из морского народа, которая имела неосторожность подплыть к кораблю, несмотря на запреты отца, и влюбиться в прекрасного отважного капитана. Капитан, как водится, взаимностью не ответил, и дева, с горя, рассыпалась пеной морской.

Я усмехнулся, еще бы капитан ей ответил взаимностью, я-то знал, что разумные существа, обитавшие в южных морях, означенные как Морской народ – это головоногие, типа земных осьминогов, весьма крупных надо сказать. А попытавшись представить возможный мезальянс, между означенной «прекрасной девой» и капитаном, уже с трудом подавил смехок.

Вечер постепенно перетек в ночь, над головой зажглись знакомые созвездия, может они в чем-то и отличались от созвездий моего родного мира, но я не астроном, чтобы судить об этом. Изрядного размера фляга медовухи, пожертвованной кем-то из пассажиров, ходила по кругу, постепенно переводя репертуар из возвышенно-лирической области к более земным вещам.

Под залихватское притопывание и присвистывание, бард исполнил скабрезную песенку, о юной принцессе с нимфоманскими наклонностями, сбежавшей от строгого отца с молодым купцом, проплывавшим мимо ее дворца по Су-Ару. Купец тот, по прибытии в Аран, долго лечился от нервного и физического истощения, а неутомонная принцесса, отправившись дальше на восток, попала в гарем его императорского величества в Суре, чем и вызвала скоропостижную кончину означенного величества. А упокоилась, обретя свое счастье только с могучим вождем одного из оркских кланов Дуларана, потому как этот нелюдь, потешившись с ней один раз, совершил по предварительному сговору с гражданином шаманом акт ритуального каннибализма. Поэтому, видимо, тот орк и смог сохранить свою жизнь и рассудок. Впрочем, насколько я знал, орки не практиковали подобных ритуалов, но кто их нелюдей знает.

Постепенно кружок рассасывался, да и изрядно захмелевший служитель муз начал безбоянно фальшивить, перестав попадать пальцами по струнам. И наше суденышко предалось во власть морфея.

Утром меня разбудили пронзительные крики чаек, круживших над нашим суденышком. Окропив себя водой, я направился к борту, по утренним надобностям, да и просто полюбоваться голубизной неба со слепящими вспышками чаек в вышине.

Глава 5

По прибытии в Сорбор, я тепло простился с моими попутчиками. Узнав, что я собираюсь идти на север, вдоль по Стремнинке, а затем по краю западной оконечности Эйзара в обход Озерного края до города Фалька, гномы стали меня усиленно отговаривать, ссылаясь на то, что есть и более легкие способы самоубийства.

– Ты что думаешь? Это просто так что ли, горы, которые отделяют большую часть княжества от топей Ахенны, назвали Чертовыми Куличиками? (смысловый перевод названия, дословно – горы, сотворенные играющим демоном), – громко вопрошал меня Рогур. – Там даже по краю-то селиться опасно. А в Стремнинке, чуть ли не каждый год какую-никакую чуду-юду вылавливают, спасибо стражам границ. А чтоб вот так, по своей воле, да еще и в одиночку... ну, ты точно с ума сошел.

Однако, увидев, что решение мое не изменится, он посоветовал запастись оружием, посолидней того, что висит у меня на поясе, а также прикупить пару амулетов у местного мага, а заодно, еще и пару сорборских волкодавов, потому что «на мага надейся, а сам не плошай».

– Лучше всего подойдет секира, с большим мечом сразу управляться не научишься, да и вообще, супротив чудовищ оно как-то сподручней будет, ну и в пути пригодится, хотя бы и дров нарубить. А еще, обязательно возьми с собой копье, аль рогатину какую. Ну и самострел, конечно. Лук не бери, если не умеешь, – советовал Рогур.

Внимательно выслушав рекомендации бывалого путешественника, я заверил гнома, что точно буду следовать его рекомендациям. На этом мы и распрощались.

– Прощай друг Заран, ты был добрым попутчиком нам, надеюсь, мы еще когда-нибудь и свидимся, хотя и не верится мне в это, – сказал гном. Мы обнялись напоследок и разошлись на перекрестке. Я направился на базарную площадь, а он в княжескую контору, оформляться на новое место работы.

Товар свой я продал быстро. Сорбор довольно богатый город, да и я не слишком торговался. Товары были редкими, и даже при таком раскладе, к моменту, как я распродал последнее, у меня получилось четыре весьма увесистых кошелья, плотно набитых золотом и серебром.

Во избежание излишнего любопытства, со стороны местного криминалитета, я зашел в Дом Торговца, являющийся местным вариантом банковской системы. Такие дома были во всех крупных торговых городах, а держала их семья Вартан, самая богатая и влиятельная семья купеческой гильдии Арана. Положил большую часть суммы на депозит, выписав дорожные чеки на свое имя, а с оставшимися деньгами вернулся на рынок, продал повозку за ненужностью, предварительно заменив силиконовую смазку в ступицах на местное оружейное сало, в горах она бы все равно не прошла, а так, хоть кому-то польза. Затем, налегке, ведя в поводу навьюченную кобылу, я отправился искать шорника, покупать седло.

Дело это оказалось сложное. Мой опыт верховой езды ограничивался одной короткой прогулкой по окрестностям конного клуба в Подмосковье, и это катание, имело мало общего с выработкой умения ездить верхом. Однако шорник был человек опытный, посоветовал мне приобрести местный аналог «казацкого седла». Выбрав простое седло без украшений, подходящее мне по размеру, он оседлал мою кобылу. Оно действительно оказалось довольно удобным. Подогнав под меня стремена и взяв три десятка серебряков, шорник указал мне дорогу в оружейный ряд и посоветовал купить высокие сапоги.

В каждом мужчине сидит мальчишка. Забыв о времени, я несколько часов бродил по оружейным рядам от одной палатке к другой. Примерял к руке тяжелые ятаганы и легкие сабли, абардажные палаши и катаны, пару раз неловко взмахнул тяжелым прямым двуручни-

ком, изрядно при этом напугав продавца и окружающих покупателей. Но все же, по совету гнома, приобрел большой боевой топор. Для моего нынешнего веса, он был конечно тяжеловат, о чем мне и напомнила боевая программа, но отказаться от такого чуда я не смог. Полуметровое лезвие, плавно загибающееся кверху, образовывало на конце обоюдоострое колющее острие. Плавный обвод, обнимающий топориче, продолжался длинным, слегка загнутым толстым когтем, уравновешивавшим лезвие. Рукоять метровой длины из темного полированного дерева, ближе к концу была покрыта мягкой, шероховатой замшей. Никаких украшений. Сам металл был украшением. Темный, отполированный до тусклого, матового блеска, он скрывал внутри затейливый орнамент булата.

Оружейник оценил мой выбор, но, как и боевая программа, указал мне на то, что при моем сложении, двуручный топор – это не самое подходящее оружие. Но выбор был сделан. Поторговавшись больше для проформы и узнав, что топор был выкован гномами в Черных горах (ну ясно дело, где ж еще-то), а так же то, что он прошел дорогостоящую магическую обработку от грязи и ржавчины, я все же без зазрения совести выторговал себе в довесок хороший самострел, самый обычный, среднего размера и сотню болтов к нему. За ту цену, которую оружейник запросил за топор, это были уже мелочи. Отвалив добрую сотню золотых, но ничуть не жалея о том, я нашел в себе силы покинуть оружейные ряды. Уже у последней палатки, я вспомнил о совете Рогура и приобрел себе простенькое копьё, метров трех длины, с основательным гладким древком.

Ради интереса заглянул и к торговцам магическими изделиями. Я осмотрел товар, однако наличие в нем хоть толики магии вызывало сомнения. Оно и понятно, кто ж позволит торговать в открытую, на базаре, сколь-нибудь серьезными магическими артефактами. Все же, за пару золотых, я купил небольшую статуэтку дриады, вырезанную из куса прозрачного янтаря. Просто она мне понравилась. Ее приятно было держать в руках, и солнечный свет красиво играл в ее глубине. Продавец утверждал, что она несет в себе тепло солнца, оберегает от злых сил и указывает путь во мраке. Но особого значения его словам я не придал. Датчики не фиксировали каких-либо «нетипичных» физических или химических компонентов или излучений.

Покончив с экипировкой, я двинулся к северным воротам, прикупив по пути высокие сапоги для верховой езды из толстой кожи. Идея покупки волкодава, энтузиазма у меня не вызвала. Во-первых, пса надо кормить. Во-вторых, непонятно: если брать щенка, то какая от него польза, если взрослого пса, то признает ли он за хозяина меня. Поэтому, решив не обременять себя местной домашней фауной, я двинулся в путь.

Выехав за ворота, по мосту пересек Звонкую и двинулся по торному пути, который вел в западное приграничье вдоль Стремнинки. Километров через десять-двенадцать основной тракт свернул налево, к небольшому мосту через Стремнинку, уходя на юго-запад. Я же продолжил свой путь по тропе, вившейся по правому берегу реки. Река быстро мелела и ускоряла течение, поднимаясь дальше в предгорья. Лес становился все гуще и темнее. Тропа все чаще шла в гору. Пологие в долине Звонкой холмы становились все круче. Местами стали появляться голые скалы. Все чаще стали попадаться хвойные.

Углубившись в горы еще километра на три-четыре, я свернул с тропы и прошел метров пятьсот от нее, по руслу ручейка, пока не наткнулся на небольшую заводь. Пора было заняться доведением себя до ума. Точнее приведением своего тела в соответствие тому чудесному топику, что я прикупил. По моим, и не только моим, прикидкам, мне требовалось добавить сантиметров десять-пятнадцать роста, и, по меньшей мере, килограммов тридцать веса.

Сверившись с данными боевой программы и договорившись с контролирующим компом, чего и где мне следует добавить, я разделся и погрузился в заводь. В общем-то, это было нарушение инструкций, а если уж говорить начистоту, то у меня был даже косвенный запрет на проведение существенных модификаций, связанных с серьезными изменениями тела. Но, как говорится, охота пуще неволи.

Рассудив, что если хочешь получить чего-либо в нарушение инструкции, то делай это быстро (потому что если не повезет, то по голове от начальника все равно получишь, только если сделаешь быстро, то у тебя останется желаемое, а если медленно, то получишь втык ни за грош), я отдал приказ системе на выполнение трансформации в максимально сжатые сроки, надеясь, что никто не заметит остаточного излучения конверторов масс, да и вода частично будет его экранировать. К тому же, большая часть предполагаемой массы и была вода. Так что конверторам, не приходилось подвергать ее существенным изменениям. Да и синтез недостающей органики из придонного ила не требовал особых энергозатрат от конверторов масс. Только немного энергии от распада самой маленькой толики вещества, чтобы была энергия для химического синтеза. Трансформация заняла от силы минуты три, и я уже начал было надеяться, что все обойдется без последствий. Как бы услышав мои мысли, кара последовала незамедлительно. В голове зазвучал гневный глас начальства:

– Ты чего творишь стервец? Последние мозги пропил? Как тебе в твою дурную башку, пришла идея включить конверторы, да еще на полную мощность в такой близости от города, в котором полно магов? Рехнулся на природе что ли? Кислород в башку ударил? Или в героя поиграть захотелось? Мало нам Эрика с его эльфами, теперь ты решил подставиться?

Сказать особо было нечего. Виноват, чего уж тут отпираться. Однако, собравшись с мыслями, я начал оправдываться, ссылаясь на производственные необходимости. Про топор я конечно умолчал, упирая в основном на то, что это требуется, для приведения в соответствие физических данных организма и внешнего вида. Что текущий вид, более соответствует моей роли и поставленным задачам. К тому же, если учесть, что я отправляюсь на север, более высокий рост будет привлекать меньше внимания. К тому же, большая масса тела, дает запасной ресурс для боевых трансформаций, а такие вполне могут понадобиться, если опираться на неподтвержденные данные о местности, куда я направляюсь по поручению, между прочим, руководства. Рискую, может быть, даже собственной жизнью (в спорах с начальством главное – дать ему понять, что оно само виновато в сложившейся ситуации, ставит сложнейшие задачи и требует от сотрудника трудиться в непереносимых условиях, так сказать, зародить искорку вины, а дальше давить на жалость).

– Ну ладно, что сделано – то сделано, – смягчился босс, – только больше никакой самодеятельности. Сам же знаешь, что микроконверторы практически не экранируются, а выброс излучений и различных проточастиц, при ядерном распаде массы, достаточно легко уловить, как физическими, так и магическими средствами на уровне возмущения субреальности. Так что больше не устраивай там иллюминаций, а то можешь сразу включать самоликвидацию и возвращаться на базу. Так, к сведению, основываясь на данных, полученных тобой, про битву магов, мы повысили М индекс этого мира до 10. Сам понимаешь, чем это пахнет.

Я мысленно присвистнул. Десятка – это значит возможность глобальных воздействий в масштабах планеты, за короткий промежуток времени.

– А на будущее, если уж тебе взбредет в голову еще что-то существенно изменить в теле, «по производственной необходимости», то не сочти за труд, делай это где-нибудь в пещере и медленно. Так, чтобы не слишком выделяться на уровне естественного фона, а то эту твою выходку, даже со спутника было видно.

– Ну да, пару дней валяться в какой-нибудь пещере, чтобы добавить десятков кило. Как же, вы же меня живьем съедите за срыв сроков, – подумал я про себя.

– Ладно, до связи, и не валяй дурака, – босс отключился.

Выбравшись из заводи, я вытерся одеялом и осмотрел результаты нарушения инструкции. Вышло так себе. Далеко не красивое, и не стройное атлетическое тело, как хотелось мне. Фигура больше напоминала тяжелоатлета высоких весовых категорий, килограммов сто с лишним на вид. Мощные покатые плечи. Длинные руки. Тяжелый торс и подстать ему мас-

сивный зад, опирались на толстые, колоннообразные ноги. Мдааа..., пожелание соответствовать моему двуручному топору, боевая программа явно ввела в ранг приоритета над эстетикой. Одеваясь, я обнаружил и еще кое-какие сюрпризы, о которых как-то не подумал. Если широкие штаны налезли без особых проблем, то вот казавшийся раньше безразмерным балахон, огорчил. Натянуть то я его натянул, однако, сидел он на мне чуть ли не в обтяжку. Рукава стали ощутимо коротки. Пришлось их закатать до локтя. Пояс едва сошелся на том, что когда-то представляло талию. Сапоги пришлось оставить старые, короткие. Купленные в Сорборе сапоги для верховой езды, были явно не рассчитаны на столь радикальное изменение толщины нижних конечностей. Уже выезжая обратно на тропу, я понял, что допустил еще один промах. Седло, подобранное шорником, явно не соответствовало тому, что на него взгромоздили. Однако и с этим придется смириться.

Не успел я отъехать от ручья, как впереди послышался стук копыт и грозный, басовитый собачий лай. Нехорошее предчувствие забилося где-то в глубине, явно просясь наружу.

Не иначе, шеф накаркал, – подумалось мне.

Глава 6

Не прошло и минуты, как из-за ближайшего изгиба тропы, мне на встречу вылетела пятерка верховых в сопровождении трех здоровенных псов. Милые такие собачки. Помесь сенбернара с бульдогом размерами с датского дога.

Не доезжая до меня пару метров, всадники осадили коней. Глядя на их грозные, широкие физиономии, я ожидал от них чего-нибудь в стиле «стоять, бояться, деньги не прятать», однако, окинув меня очень подозрительным взглядом, ко мне подъехал только один, вероятно командир. Заговорил он на удивление вежливо.

– Приветствую тебя, путник. Мы стражи границ. Мы охраняем местные тропы от кошмарных порождений тьмы, рожденных в трясинах Ахенны, дабы не беспокоили они людей. Я Ратобор, сын Нирида, командир патруля стражи. Назови себя.

С пафосом, он на мой взгляд немного перебирал, да и внешность его не слишком соответствовала высокому слогу. Но, видимо, таков был заведенный ритуал, наверное, чтобы дать понять путнику, что его не будут сразу убивать и грабить.

– Я Заран, сын Сибара, – ответил я ему в тон, быстренько соображая, что при моей нынешней внешности и без воза товара, на мирного торговца из Арана я не слишком-то похожу. Пауза затягивалась, критически затягивалась, и я ляпнул первое, что пришло в голову.

– Я зверолов, по повелению императора Сура ищу диковинных чудищ, для услады глаз и развлечения его величества. Слышал я, что в местных горах и топях за ними, обитает несметное множество различных монстров. Идея оказалась удачной. И кто я есть понятно, и почему еду в гиблые места тоже.

Умерив пафос и подозрительность, Ратобор, однако, продолжил допрос.

– А не ты ли минут десять назад творил волшбу? Мы были в версте отсюда, когда собаки почували неладное. А волшба в местных горах не сулит, как правило, ничего доброго.

Упс.... Опять пауза. Сказать, что не я – так даже если допустить, что они не следопыты, уж собаки-то сразу след найдут, да и мало ли чего еще они могут. Конечно, пока они доедут туда, я могу уже слинять достаточно далеко, моя лошадка хоть и не производит впечатления, а все же кибер. Даже по пересеченной местности может выжать километров сто в час. Но проверять ее скоростные характеристики на извилистой тропе, окруженной скалами, как-то не хотелось. Порубать их всех на.... как-то оно не по-человечески. Этот вариант оставим на самый экстренный случай. Да и они, поди, не простые люди, раз охраняют границу от всяких чудищ, еще не известно, как оно выйдет, – думал я, невзначай окидывая взглядом фигуры стражей, сходные с моей и габаритами и комплекцией. От стражи мой взгляд не укрылся и они, как бы предупреждая, положили руки на оружие.

Наконец решив, что правда все равно всплывет, я начал правдоподобно врать.

– Уважаемый страж, – начал я, – я не маг и не могу творить волшбы, но я верю в двенадцать богов Сура и они любят меня. Недавно я действительно совершил ритуальное омовение и творил молитву богу Звуру, создателю всех живых тварей, лишенных рассудка. Но не думаю, что это можно было принять за волшбу.

Ратобора, казалось, удовлетворил мой ответ. Однако он попросил меня задержаться еще на пару минут. Махнул рукой одному из стражей и тот, в сопровождении пса, галопом понесся по тропе. Вернулся он через пять минут и, как я и ожидал, подтвердил мои слова. Стражи немного расслабились. А затем, мы вместе потрусили вверх по тропинке, уводящей нас все дальше в горы. Ратобор ехал рядом и пытался меня отговорить от дальнейшего путешествия, ссылаясь на то, что не подготовленный человек не протянет за грядой и одного дня, а подготовленный (на себя он что ли намекает?) так и вообще туда не полезет. Но я был непрекло-

нен, рассказывал о священной воле императора, любимца богов, да живет он вечно. Наконец, смирившись, Ратобор начал давать ценные советы, которые могли бы помочь мне выжить в тех местах.

– Если надумаешь остановиться на ночлег, – вещал он. – делай это только на возвышенных местах, так, чтобы под ногами у тебя был камень. Никакой земли. Есть там растения, оплетающие корнями спящего человека и высасывающие его. Никогда не разводи на ночь костра. Огонь в ночи привлекает всех окрестных тварей и не дает видеть тебе самому. Обноси место ночевки по периметру нитью с подвешенными к ней бубенцами, если нет, то дам потом. Избегай широких троп, особенно если поперек них что-либо лежит или натянута. Ну и, конечно, не слушай никаких голосов, что бы они ни говорили и куда бы ни звали. Не верь никому, кого там встретишь, как бы он ни выглядел. Ну и, главное, не лезь в глубь трясины. Иди по краю гор. Тварей для отлова и там тебе хватит за глаза. Даже в предгорьях их встречается более чем достаточно для того, чтобы убить человека. И самое главное – никакого использования магии. Так что лучше тебе, наверное, и не молиться. Все, что там живет, чувствует магию даже лучше, чем наши волкодавы, и слетается на малейшее ее проявление со всех сторон. И ни в коем случае не пей стоячей воды, только из родника и только от истока.

За этой душевспасительной беседой мы провели пару часов. К темноте, мы были уже неподалеку от перевала. Неподалеку от перевала, четко различимой на фоне закатного неба расселины между двумя отвесными стенами, поднимавшимися на пару сотен метров вверх, обнаружилась небольшая бревенчатая сторожка, прижавшаяся к огромному валуну. Это оказалось временным жилищем стражей, охраняющих перевал. Как рассказал мне Ратобор, маги специально обрушили часть скал, сделав их отвесными. Чтобы обезопасить северо-западные границы княжества. Однако не везде скалы были неприступны. Хуже всего приходилось на юго-западе, где естественные горы не доходили до моря. Там скалы были созданы искусственно, но все же, они существенно уступали естественным горам в высоте. Основной же проблемой было русло Стремнинки, бравшей свое начало в топях Ахенны. Но его решили все же не заваливать. Во-первых, потому, что ее воды орошали поля доброго десятка деревень, расположенных по левому берегу Сребростря, во вторых, проще было создать своего рода клапан, куда стекалась живность, норовившая выбраться из топей и шедшая по пути наименьшего сопротивления. Поэтому, на верхних заставах нагрузка на стражей была существенно ниже.

Переночевав за толстыми стенами сторожки, я отправился за перевал.

Сразу за перевалом тропа круто уходила вниз и окончательно терялась в камнях. Не уверен, способна ли лошадь к таким кульбитам, но, к счастью, стражи не пошли меня провожать, поэтому некому было оценить нетипичное для обычной кобылы проворство в лазании по скалам.

Спустившись с основного косогора, я вновь сел верхом и, двигаясь по ставшей относительно пологой осыпи, продолжил спуск вниз, забирая к северу.

Со стороны топей веяло влажным теплом. Легкий ветерок доносил до меня множество запахов, то отвратительных, то вполне приятных. Чем ближе я подходил к краю топей, тем сильнее становились звуки битвы за выживание, происходящей внизу. Спустившись, по моим прикидкам, еще метров на пятьсот, я перевел свой спуск в траверс, изучая раскинувшуюся внизу панораму.

Пару сотен метров ниже по склону – между камнями начинала пробиваться трава, еще ниже – появлялись кустарники, переходившие в лес, стоящий буквально на воде. В голове промелькнула ассоциация с амазонскими джунглями моего родного мира. Поднявшись на очередную осыпь, я остановился.

Передо мной раскинулся участок топи, острым клином вдававшийся в горы далеко на восток. Прикинув, что объезд займет не менее часа, я решил проверить, так ли уж страшен черт, как его малюют. Я спустился вниз и поехал вдоль склона, отыскивая место посуше да

поуже, чтобы переправиться на ту сторону. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что топь, действительно кишит, можно даже сказать, бурно кипит жизнью. Даже с расстояния в сотню метров, было видно, что там идет постоянная, не прекращающаяся ни на минуту борьба за жизнь. Каждый миг кто-то кого-то ел, чтобы через какие-то секунды оказаться съеденным кем-то побольше да пошустрее.

На моих глазах крупная стрекоза схватила какую-то мелкую ящерицу, но не успев съесть ее, была застигнута огромной жабой, которую в свою очередь поджидала смерть от яда крупного паука, свалившегося на нее с дерева. Паук, хоть и уступал по размеру раза в два, ловко оплел жабу довольно толстой паутиной и принялся проворно затаскивать ее наверх, к той ветке, на которой сидел. Но завершить свой план он не успел. Из воды показалась голова змеи, размером не уступающей анаконде. Миг, и паук остался без обеда. А еще через пару секунд его настигла смерть от впившейся ему в спину осы, точнее, чего-то похожего на осу наездника, весьма изрядных размеров. Острие яйцеклада впилося в спину паука. Подергав лапами, тот свалился на островок, образовавшийся у корней дерева. Но жизнь тут, и правда, двигалась в сумасшедшем темпе. Как в каком-нибудь ролике «живой природы» на ВВС, в котором, на ускоренной прокрутке, показаны жизненные циклы растения или животного.

Прямо на моих глазах спина паука заходила ходуном, брюшко сморщилось, пошло прорехами, в которых мелькали белые личинки. Не прошло и пяти минут, как туша паука развалилась, и из нее на свет вылезло несколько десятков уменьшенных копий осы, убившей паука.

Я стоял, как завороченный и наблюдал за этим. Потом, сообразив, что осы и прочие престелстные обитатели этого милого местечка могут заинтересоваться и мной, поспешил удалиться подальше от топи. Шло бы оно куда подальше, а я лучше потрачу время на обход.

Весь день я двигался вдоль по предгорьям на север. Постепенно топь несколько отступила от гор, оставив более-менее широкую полосу относительно ровной земли. Двигаясь по ней рысью, к вечеру, за моими плечами осталась добрая сотня километров. Если так пойдет и дальше, то меньше чем за неделю я смогу добраться того места, где горы свернут на восток.

Выбирая место ночевки, я поднялся метров на триста вверх по пологому склону, до того места, где начинались каменные осыпи. Спать на камнях – удовольствие конечно сомнительное, но я помнил предупреждение Ратобора, в обоснованности которого уже успел убедиться. Днем, я вспугнул ящерицу, гревшуюся на камне. Метнувшись из-под копыт моей лошади, она, видимо сдуру, попыталась скрыться в невысоких зарослях травы, с красными метелками соцветий. Пронзительный писк и хищное колыхание стеблей, охвативших ее, оставили мне немало места для фантазий о судьбе постигшей несчастную.

Расположившись на ночлег и пожевав остатки сушеного мяса, больше для проформы, чем по необходимости, я расстелил одеяло и задремал, прижавшись к теплему боку валуна, нагретого за день солнечными лучами. В отличие от меня, у кобылы были полностью электронные мозги, которым сон не требовался. Поэтому, отдав приказ на охрану и побудку, в случае обнаружения подозрительной активности, я заснул с почти спокойной душой.

Сон мой был прерван, как мне показалось, едва начавшись. Меня настойчиво тыкали чем-то большим и влажным. Открыв глаза, я понял, что это морда моей кобылы. Было не так уж и темно. Над топью поднималось рассеянное свечение невообразимых оттенков. Из болот выползали плотные языки тумана, поднимаясь по склону. А со стороны топи, наш лагерь окружали небольшие светящиеся огоньки, похожие на свечение болотных гнилушек, только поярче. Огоньки вели себя весьма подозрительно. Скачкообразно перемещаясь с камня на камень, они медленно смыкали свой круг. Расположившись метрах в десяти от нас, они замерли, равномерно мерца на камнях.

Глава 7

Поведение этих болотных пришельцев мне совсем не понравилось. Как будто стая собак, окружили и ждут хозяина. Обратив внимание на клуб тумана, уж очень упорно пробиравшийся в сторону моего лагеря, я переключил зрение в широкоспектральный режим, с графическим компенсатором невидимых диапазонов спектра.

Ночь взорвалась морем огней. Учитывая ширину видимого мной теперь спектра, можно сказать, что топь, фонила всем, чем только можно и во всех диапазонах. Начиная от очагов жесткой радиации, где-то в отдаленных глубинах, и кончая миллионами голубых огоньков локальных источников биоизлучения. Присмотревшись к туманному языку, неспешно двигавшемуся в нашу сторону, волосы на затылке у меня зашевелились. Представленный в широкоспектральном виде, он скрывал внутри себя нечто полупрозрачное, текуче-бесформенное. Огромную амёбу, метров семидесяти в диаметре. Хотя диаметр – это весьма условно. Какой у амёбы может быть диаметр. Растекающаяся во все сторону оболочка, судя по графике, состояла из водяного пара, скрепленного во что-то более плотное, с помощью энергетического поля биологической частоты. Внутри проглядывались какие-то сгустки и уплотнения, светившиеся более интенсивно. Это еще больше усиливало сходство с гигантским одноклеточным монстром. Помянув нехорошим словом того, кто мог такое придумать, не мешкая, я схватил одеяло, лежащее под рукой и, бросив остальные пожитки, заскочил в седло.

Наверное, этот рекорд, смело можно было вносить в книгу рекордов Гиннеса. Например, «самое скоростное восхождение в горы, в условиях ночного времени, верхом». Забравшись на добрые полкилометра вверх по склону, я остановился и глянул вниз с обрывистого уступа. Мерцавшая в отдалении амёба, явно не собиралась преследовать столь высокодинамичную цель. Она, растеклась по склону еще сильнее, и медленно дрейфовала вниз, в окружении своих «танцующих огоньков». Продремав остаток ночи на уступе, я двинулся в путь, едва солнце окрасило в красный цвет вершины гор.

Пробираясь то по каменистым отвалам, то по краю лугов, я все дальше продвигался на север. На четвертый день, горная гряда постепенно стала забираться к востоку, а топь наоборот, к западу. В расширявшемся пространстве, заполненном разнотравьем, все чаще стали попадаться кусты и отдельные деревья вполне нормальных видов.

. Экстремально бурное кипение жизни, сменилось вполне умеренным закипанием, и я решил продолжить движение по лугу, однако ночевать все же старался на больших валунах и скальных выступах, довольно часто попадавшихся на раскинувшейся равнине.

В конце шестого дня пути, рощи стали попадаться все чаще, а со скалы, которую я выбрал для очередной ночевки, я разглядел на севере плотную стену леса, подсвеченную закатным пламенем. Основная горная гряда окончательно свернула на восток, продолжаясь на север только невысокими, пологими холмами. Топи же я смог увидеть только ночью, когда посмотрел на запад, переключившись в широкий диапазон видеовосприятия. Далеко на горизонте светилось зарево, состоящее из разноцветных огней. Нет уж, хватит с меня изучения «западных аномалий», сами изучайте господ начальники. Засылайте в те болота экспедиции из сумасшедших экзобиологов, экзоэкологов и еще бог знает каких экзот. Пусть они там сами резвятся на свою голову, благо поле деятельности для них там весьма обширно. При том количестве всяческой радиации, нестабильной материи и низкоструктурированной энергии, чтобы составить хотя бы приблизительный каталог видов, им придется потратить годы, если, конечно, начальству удастся найти, кого-нибудь, кто по доброй воле туда полезет. Собрав последнюю мысль, передал ее на базу коротким импульсом. Покончив с этим, я стал просматривать накопившиеся копии отчетов подчиненных. А накопилось их изрядно.

Заг, плававший в южных морях, извещал, что их корабль, посетив по пути еще несколько островов, плывет в сторону королевства Рунаре на южной оконечности Ангая, где их товар с нетерпением ждут в стольном городе Растагай, что стоит в устье реки Рун. В ходе долгих застольных посиделок с бывальыми вояками и матросами, ему удалось составить общую информацию о заселенных южных землях, а также выяснить, кое-какие неподтвержденные факты о жизни Морского народа. Народ этот, предположительно обитал в море Сарг, разделявшем приросшие к Антарктиде Африку и Австралию.

Море Сарг оставалось загадкой для всех живущих. Корабли, отправлявшиеся в плавание по нему, исчезали бесследно. Никто не возвращался из тех краев. Однако в пиратском фольклоре был сказ о Зурхане Отважном, веселом капитане трехмачтового крулхена.

Вкратце, содержание этого рассказа было таким: Капитан плыл из Загорья в Черные земли. На подходе к ним его корабль попал в ужасный шторм и был отнесен далеко на юг в море Сарг, где и нашел свою кончину на острых коралловых рифах. Вся команда погибла, и лишь капитан был спасен неким гигантским спрутом. Не то чтобы спасен, но выжил. Спрут уволок его в глубины морские, в огромном воздушном пузыре. Уволок в прекрасный подводный город, построенный из кораллов и состоящий из прекрасных замков. Кстати сказать, что корабль капитана, как раз и наскочил на «крышу» одного из «дворцов». Населяли тот город чудища осьминогие, а капитан, был заточен под прозрачный купол гигантской медузы, приросшей щупальцами к кораллам в центре города. Головоногие, как гласила легенда, приплывали посмотреть на него. В общем, устроили цирк и зоопарк в одном флаконе.

А еще, те, которые не самые большие, с короткими щупальцами, синей окраски, могли говорить с капитаном в его голове. Пару раз они приплывали и вели с ним беседы, о том, зачем он приплыл в воды морского народа и почему «живущие наверху», не могут оставить морской народ в покое, а постоянно «гадят им на голову». Капитан, видимо, не совсем понимал, чего от него хотят и зачем держат, поэтому на контакт не шел, а бедные головоногие в ходе «бесед» смогли разве что существенно пополнить свой запас нецензурных выражений.

Однажды, живую тюрьму геройского капитана «сняли с якоря» и потащили в неизвестном тому направлении, видимо, в другой «город», находящийся на побережье континента. Транспортировка происходила путем запрягания морских змеев (предположительно плезиозавров).

По пути к тому месту, на тюрьму и эскорт из глубин напало страшное чудовище. По описанию можно предположить, что-то сходное с лиоплевродоном. Чудовище отхватило изрядный кусок «тюрьмы», в которой томился капитан, чем тот и не преминул воспользоваться. Вдохнув поглубже, он выбрался через прореху и выплыл на поверхность, пользуясь тем, что его эскорт был занят иными, более насущными делами. Проплавав полтора дня и не послужив никому обедом, капитан был вынесен волнами морскими на дикие берега Черной земли.

Двигаясь вдоль побережья и избегая всего, что только могло бы показаться опасным, капитан каким-то чудом всего за два месяца непрерывного похода, достиг обитаемых земель. Ну, а после, как водится, жил долго и счастливо, а сгинул, как и подобает пиратскому капитану, в жаркой сече, во время одной из карательных экспедиций имперской эскадры. Были и еще какие-то незначительные упоминания о Морском народе, но они представлялись гораздо менее правдоподобными.

Анечка готовилась к зимовке в своей пещере, на берегу озера, образованного горячими ключами. Запасала провиант и устраивала быт. Холодное северное лето, в ее краях уже подходило к концу. Через пару месяцев должна была начаться настоящая зима. Соседи ее не обижали. Проходящие временами через долину, в которой она обосновалась, оркские кланы, останавливались там, на день другой, понежиться в «природных банях» и вывести заодно паразитов. Источники в той долине считались целебными. У орков, Анечка вполне благополучно купила запасы продовольствия на зиму, а также узнала кое-какие новости и легенды. Оркам

удалось приручить мамонтов, несколько видов оленей и крупного рогатого скота. За десяток золотых аргов, в целях повышения культуры жилища, она приобрела прекрасно выделанную шкуру пещерного льва.

Из легенд орков, выходило, что они, так же как и гномы, совершенно точно не являются исконными обитателями этого мира. По легенде, на их исконные земли обитания, степи Сарагдура и горы Техмес, вторглись светорожденные, по описанию сильно напоминавшие эльфов. Были и кровопролитные стычки, и побоища, в которых гибли и те, и другие.

По легенде выходило, будто в том мире были и люди, которых эльфы обманом или подкупом натравили на орков. Но силой Орду было не победить. Тогда в дело вмешались верховные маги эльфов и даже Лучезарные, их боги. Состоялось большое побоище, в котором участвовали и боги орков. Но Лучезарные хитростью заманили богов орды на переговоры и низвергли их в подземный мир. Только богу Лису удалось избежать той участи, он собрал Орду и повел их туманными тропами в горы.

Неведомо сколько они блуждали по тем странным горам, пока не вышли в широкое ущелье, ведущее на равнины. На два дня пути растянулась Орда, заполняя ущелье от края до края. А когда последние вышли из ущелья на равнины, земля задрожала и путь назад исчез. Так они пришли в это место. Орда рассеялась, занимая все эти земли от края до края. От скалистого побережья океана на востоке, до свинцовых вод Серого моря и Срединного хребта на западе. От края Вечных Льдов на севере, до непроходимых скал Сура-Геш на юге. Бог Лис помог им обжиться на новых землях, а потом, отправился вызволять своих собратьев из глубин подземного мира. Так гласила легенда. Но когда-нибудь, все боги вернутся и поведут за собой Орду обратно, в Сарагдур, дабы низвергнуть подлых Лучезарных и народ их. Вот, в общем, и вся наиболее срочная информация, остальное, больше заинтересует палеонтологов и антропологов.

Санди докладывал, что завел немало друзей среди молодых гномов в Черных горах и даже заслужил благосклонность некоторых мастеров, предлагая не слишком значительные технические усовершенствования и изобретения. Хотя старые мастера и относились к новым технологиям скептически, чтобы не сказать враждебно.

– Наши деды и деды наших дедов делали так, и это было хорошо, – ворчали они.

Но в целом относились к нему неплохо. Даже делились кое-какими мелкими секретами. Например, при производстве изделий из металла, помимо простых технологий, они также использовали определенные магические воздействия, временами весьма существенно менявшие физико-химические характеристики металла. То же касалось и камня. Самое интересное из того, что удалось узнать, был рассказ о неких Громовых кристаллах.

Секрет их изготовления был утерян, однако было точно известно, что они сохранились во внутренних поселениях. Использовались они в основном для строительства пещер и транспортировки больших массивов камня и руды. По описанию выходило, что кристалл был чем-то вроде ключа к пространственному карману. В зависимости от размера и формы он мог поглощать кратные его размеру и форме объемы материи, оставляя на месте поглощенного вакуум. И вываливать поглощенное обратно. И тот, и другой процесс сопровождался оглушительным грохотом, отсюда и название. Если подумать, то получается этакая вакуумная бомбочка при поглощении, и объемная при расконсервации.

С помощью таких кристаллов, в частности, и изымались массивы горных пород для создания пещерных городов. Конечно, при строительстве они использовались далеко не на полную мощность. В одном из преданий, было даже описано, как один глупый молодой гном, не слушавший старейшин и недовольный жилищными условиями, сказал, что он и сам может быстренько построить себе и всей своей семье хоть целый город. К счастью, для своих строительных экспериментов, молодой непослушник выбрал весьма отдаленный штрек. Настроив кристалл чуть ли не на полную мощность, хорошо еще, что он был небольшим, гном активи-

ровал его и вполне закономерно, в полном соответствии жанру сказки-наставления, погиб по своей глупости во цвете лет, под вызванным им же самым обвалом и просевшим грунтом. Тут и сказке, как говорится, конец.

Сергея Замоленов был на удивление лаконичен. Работаю. Вот и все, что он удосужился написать в отчете.

Зато Иза разошлась, как я и ожидал, ее отчет был большой и всеобъемлющий. Прикинув, что даже для поверхностного ознакомления с ним мне понадобится целый день, я отложил его до лучших времен.

Послав вдогонку своему «крику души» более подробный отчет о путешествии, я отправился на боковую.

На следующее утро погода испортилась, моросил противный мелкий дождь, пропитав мои пожитки сыростью. Стало значительно прохладней. В окружающей природе начинала чувствоваться подступающая осень, хотя пока еще и весьма далекая.

Лес не принес облегчения. Дождик просачивался вглубь, скапливался на листьях и обдавал меня холодным душем каждый раз, когда над вершинами деревьев проносился легкий ветерок. Вымокнув до нитки, я все дальше углублялся в лесную чащу. Лес делался все темнее. Могучие ветви, вздымаясь ввысь, закрывали небо. На обеденном привале, я, плюнув на предосторожности, запалил костер. От топей, меня отделяло по меньшей мере десятка два километров. Собрав охапку сухих веток, в изобилии валявшихся на земле, я долго и упорно пытался разжечь костер с помощью местных средств, представлявших из себя вполне традиционные кремь и огниво. Это занятие, в моих руках грозило затянуться надолго. Поэтому, я прибегнул к доступным мне достижениям прогресса, и попросту шарахнул в кучу веток небольшим плазменным зарядом, сгенерированным конвертором массы и сорвавшимся с кончика пальца. Пара миллиграмм массы, не такое уж и сильное преобразование, авось никто меня тут не учует. Дрова полыхнули и сразу занялись. Приятное тепло пронизывало все тело. Поставив конвертор на пассивное накопление энергопотенциала, я с наслаждением вытянулся у огня, решив побаловать свой организм скудными остатками съестного, взятого «на дорожку» еще в Сорборе. Все равно при такой сырости испортится, подумал я, и высыпал в котелок остатки сушеного мяса, бобов, специй, и прочей снеди. Вот такой он, «завтрак туриста», по местному.

Аппетитный запах распространялся по лесу, далеко разносясь в тяжелом, пропитанном влагой воздухе. Размышляя, каким образом искать в этих северных землях одного предположительно живого чародея, да еще имея только его неполное словесное описание, я раскладывал крупные иглы сосновой хвои на плоском камне. Из скудных сведений об искомом, мне могло помочь разве что его предположительная принадлежность к запретной школе 8й стихии.

. Иголочки на камне все время складывались во что-то ёжеподобное. Мысли текли все медленнее и сворачивали все время не в то русло. Как, скажите на милость, мне, не привлекая к себе лишнего внимания, разузнать про мага, да еще не самого слабого? Уделали же они с командой дракона. И не просто разузнать, а еще и проявлять интерес к одному из его предметов, который представляет вполне определенную ценность.

Мысли все дальше уплывали в сторону. Вот узнают, что я из другого мира, и веду тут разведку, разве ж кто поверит, что мы тут просто так, посмотреть.... А еще, если учесть, что большая часть РФЖ тут сами пришлые, разве что те, кого обозвали троллями, могли сойти за местную фауну. А раз пришлые, то могут как-нибудь и к нам прийти....

Тут мое воображение стало рисовать совсем уж ушлые картинки. Виделись драконы, парящие над Красной площадью и лениво плевавшие плазмой по движущимся внизу машинам. А один, не самый большой, но самый наглый, сидел на кремлевской стене и увлеченно ковырялся где-то во внутренностях часов на Спасской башне.

Или, например, маги... и в воображении появилась новая картинка. В городе, на берегу океана, в котором смутно угадывался Нью-Йорк, на вершине огромного небоскреба стояла затаенная в черное фигура, закручивающая своим впертым в небо посохом, чудовищную воронку гигантского торнадо. А далеко внизу, на улицах и в скверах, распростерлась ниц толпа, выкрикивающая имя нового мессии.

Хотя гномы, нам бы пожалуй пригодились.... Воображение в очередной раз сменило вид: из угольного разреза поднимались плотные фигурки гномов. Почему-то, на выходе их встречали плакаты «Слава героям труда», «Дашь тройную выработку» и иные пережитки советского прошлого, затем цех автозавода, и теперь уже гномы, старательно закручивающие гайки, подгоняющие до идеала все неровные детали кузовов.

Напоследок воображение преподнесло еще один вид Москвы, но уже без драконов в небе. По идеально ровным дорогам, огражденным заборчиками ажурнойковки, с цветущими газонами за ними, шли толпы людей, держащих транспаранты, общее содержание которых сводилось к тому, что люди тоже могут работать, если захотят, конечно. Тут я прервал свое разгулявшееся воображение и усилием воли снова сосредоточился на решении задачи, поставленной далеким и поэтому особенно горячо любимым руководством.

Глава 8

Увлечшись стратегическим планированием розыскных и потенциальных «диверсионных» мероприятий, я не сразу заметил тихо подошедшего к лагерю человека. Только когда он подошел метров на двадцать и замер на краю поляны, у туповатого киба, изображавшего мое транспортное средство, сработал сигнал опасного сближения с неизвестным объектом, и он удосужился проявить инициативу, ощутимо толкнув меня мордой. Вырванный столь бесперомонным образом из глубины своих размышлений, я угрюмо уставился на подошедшего.

Тот, кого я поначалу принял за человека, на поверку оказался эльфом, правда, каким-то престарелым и малость потасканным, не таким, каким их обычно представляют во всяких там сказках. Тусклые, сероватые, длинные прямые волосы. Выцветшие зеленые глаза. Высокий и худощавый. Одетый в какое-то рубище, когда-то давно, видимо, бывшее добротным шерстяным плащом, возможно даже зеленого цвета, из-под которого торчали сильно потертые сапоги.

– Легкого пути и доброго отдыха тебе, путник, – церемонно поприветствовал меня эльф. – Я Сэлли-Эрн, из дома Тиль-Эрнандан. Я не причиню тебе зла – добавил он, заметив, как я, «на всякий случай», придвинул топор к себе поближе. Просто в тот момент, мне вспомнились напутствия Ратобора, о том, что не стоит доверять незнакомым личностям, встреченным в окрестностях топей.

– Я живу неподалеку, – продолжил эльф, – уже очень, очень давно живу. Но когда увидел следы, идущие с юга, мне стало любопытно. Никто не приходил сюда с той стороны на моей памяти. А память у меня долгая.

Котелок над костром, распространяющий запах по округе, все настойчивей сообщал, что пора бы уже заняться им, иначе гастрономические радости рискуют превратиться в подгоревшие горести. Решив, что мой гость, не проявляющий агрессии, не проявит ее и дальше, я снял варево с костра, предложив из вежливости принять участие в трапезе и престарелому эльфу.

Эльф не отказался. Он поблагодарил меня за предложение и мы занялись едой. Все же, совместное принятие пищи – оно кого угодно настраивает на дружеский лад и располагает к беседе, конечно, в том случае, если ни один из собеседников не является блюдом.

Подобрев, я рассказал эльфу свою последнюю версию легенды. Хотя, что-то мне подсказывало, что он в нее не слишком поверил. Впрочем, тот не выказывал своих сомнений вслух. Сэлли-Эрн рассказал мне вкратце свою историю, когда я полюбопытствовал, каким образом он здесь очутился и много ли его соплеменников проживают в этой местности.

– Я живу здесь один, – начал он, – много лет назад, когда я был еще молод и глуп, я жил в Эрнфиольне, что на западном континенте, который в старинных легендах жителей Холодных островов и северных королевств именуется Закенгартом, закатыми землями. Тогда, я еще мог слышать Великую песню Фиольна, песню Вечного леса. Но молодость глупа. Произошел раскол внутри дум народа.

Старшие утверждали, что нам, перворожденным, не стоит идти в большой мир, на другие земли. Они утверждали, что нет у нас права идти дальше, что другие населенные земли этого мира, должны принадлежать тем, кто их населяет. Всякое насилие порождает отрицание жизни и отравляет Вечный лес, – так говорили мудрые. Но молодость глупа, самоуверенна и заносчива. Чего нам, перворожденным, считаться с нечистыми расами, которые лишь притворяются разумными, ведь они не слышат Вечного леса. Они даже хуже, чем животные, те хотя бы не пытаются прикидываться разумными существами и требовать себе каких-то прав. Это просто старики, в своей старческой пассивности, отказываются принимать новое.

И молодые ушли. Многие молодые ушли. Они уже научились слушать, но, к сожалению, не успели научиться понимать. Я был одним из них, даже хуже. Я был одним из тех, кто возгла-

вил исход. Мы называли себя Темными. Раз старики говорят, что ненависть порождает тьму, то мы станем ею. Раз свет несет жизнь всему живому, то мы станем той тьмой, которая поглотит и очистит мир от всей грязи, что сдерживает Вечный лес. Это было наивно. Только молодость сначала делает, а потом начинает думать. Эльф невесело рассмеялся.

Мы сели в свои корабли и переплыв океан, вторглись в королевства людей, что на западном побережье. Тогда, мы еще не утратили связи с силами природы и были особенно сильны. Мы смели королевства, как осенний ветер срывает пожелтевший лист с ветки. Никто не смог уйти на восток. Мы отгородили земли заклетами. Но все же, далеко не все люди были убиты и унесены волной. Все же, нас было не так уж и много, всего-то несколько тысяч.

А на землях, которые мы захватили, селились десятки и даже сотни тысяч людей, орков, гномов. Орки отказались сложить оружие и были истреблены подчистую. Гномы, каким-то образом, смогли пройти через барьер, созданный нами, уползли по своим норам и укрылись в горах, за рекой Силем, вы люди называете их горы Гарт. Людей же мы захватили и обратили в рабство.

. Победа наша была быстрой, несмотря на то, что мы потеряли несколько сотен, павших в битве с человеческими магами. Ни одна весть не вырвалась за пределы западных земель. Мы убивали всех разведчиков, какие пытались проникнуть в наши новые земли и узнать, что стало с королевствами запада. Постепенно, таких становилось все меньше и меньше.

Но семья Фиольна, Вечного леса, не возшло на наших землях. И постепенно лес ушел из наших сердец. Захваченные земли были поделены на поместья между кланами и родами. Было построено несколько городов, связующих нас. Все это было построено руками людей, захваченных нами. Поначалу, ошалев от своей победы и безнаказанности, и поняв, что мы уже не услышим песен Вечного леса, мы воевали друг с другом, пока не осознали, что нас остается все меньше.

Шли годы. Лишенные силы Вечного леса, наши дети рождались все более слабыми магами. Только у пар самых сильных магов еще рождались дети, наследовавшие их силу, но такое случалось все реже. Мы вырождались. Мы познали старость. Мы стареем не так как люди, но все же стареем. Из тех, кто когда-то основал Эрн-Рианор, дожили до нашего времени от силы пара десятков. Остальные – их потомки, никогда не слышавшие песни Фиольна. Я ушел от них, поняв, что не хочу смотреть, как искажается все, во что я верил. Вырождение – это всегда отвратительно. Я пересек закатное море и вернулся в Эрнфиольн, но я был уже мертв для леса, а он стал мертв для меня. Вернувшись, я еще побродил по земле Эрн-Рианора, чувствуя подступавшую старость, а затем отправился на восток, в поисках смерти и забвения. Пересек ставший уже почти неощутимым барьер, поставленный при нашем вторжении, и углубился в Озерный край. Я блуждал по нему несколько лет, пока не пришел сюда, на границу топей и Озерного края. Здесь я и поселился.

– Сколько ж тебе лет? – спросил я его, – ведь западные земли стали закрытыми более пятисот лет назад.

– Мне уже более девяти веков. Не такой уж и преклонный возраст для тех, кто слышит лес, но глубокая старость для оглохшего. Я лишен того, что дает волю к жизни тем, кто слышит. Я уже умер, но все еще живу. У меня не осталось желаний, все мои чувства – лишь бледные тени. Мое существование – это море отчаянной скуки. Мои сверстники, что еще живут там, – эльф махнул рукой в сторону запада, – тоже не избежали этой участи. Испробовав все и пресытившись всем, что только могли придумать, всем, что давало хоть какие-то сильные ощущения, они доживают свой век в бесконечных интригах, не смея воевать. Они пресытились всем и испытали все. Ни любовь, ни жестокость уже не находят отражения в их эмоциях. Но и изменить свою сущность, обретая новый смысл, ни они, ни я уже не можем. Только Вечный лес способен принять и изменить нас. Но мы для него уже мертвы.

– Знаешь, – помолчав, добавил он, – мне всегда было непонятно стремление вас, короткоживущих, обрести бессмертие. Зачем вы стремитесь обрести то, что так ужасно?

Проходя по границе топи, я один раз встретил бывшего человека, мага, попавшего под какое-то странное воздействие много лет назад. Он просто сидел на валуне и смотрел невидящим взглядом в трясину. Он отвечал на мои вопросы, но теперь я понимаю, что ему было все равно. Обретя искомое бессмертие, более пяти тысяч лет назад, он так и не смог полностью отказаться от своей человеческой сущности и это свело его с ума. Видимо он пытался стать тем, кого вы называете богом. Одним из богов, но не смог изжить в себе человека. Что-то его удержало. Жалкое зрелище. От него веяло немыслимой силой, способной уничтожить весь мир или создать новый. Но он просто сидел на камне и таращился в пустоту, пуская слюну. Ты понимаешь? Просто сидел, и все. Я не хочу ТАК закончить. Но не знаю, как этого избежать. Сила во мне не дает моему телу умереть. А разум, не может погрузиться в сон.

Я сидел и переваривал сказанное эльфом. Такого потока откровений и информации к размышлению я просто не ожидал. Как-то не задумывался я раньше над такими проблемами бессмертия. Промолчав минут пять, я, как мог, постарался приободрить бедолагу и вернуть ему интерес к жизни. Переведя разговор с философских проблем в житейское русло.

– А давно ты здесь обитаешь? – спросил я его.

– Лет сто, наверное, – ответил эльф.

– Изрядно, не уж-то никто до меня не приходил с юга?

– Нет, да сюда вообще редко кто заходит. Разве что лет сорок назад, мне довелось видеть заблудившегося человека. А еще тридцатью годами ранее, я видел единорога, прошедшего по северному краю топей и ушедшего в Озерный край. Чудесное создание. Воплощение магии. Но приблизиться к нему я не смог, а он, почувствовав меня, ушел.

– Стало быть, ты тут совсем один? Так ведь и действительно рехнуться недолго. Не пробовал к людям выйти?

– А зачем? Что мне может дать общение с ними? Только отчаяние, да быть может ненависть и пару проклятий? Неприятие чуждого – одна из врожденных сторон людей.

– Мне кажется, ты ошибаешься, – сказал я эльфу. – Люди – они очень разные. Есть те, которые не принимают и отвергают все, что не соответствует их представлениям о том, каким должен быть мир, а есть и те, кого эта чуждость привлекает. Я иду в Фальк, если хочешь, мы можем продолжить путешествие вместе. Пора тебе встряхнуться и попробовать ощутить заново вкус к жизни. Жизнь – она как книга, ты прочитал, раз – другой и она надоела, однако чрез пару лет, если история, написанная в ней, действительно стоящая, ты с удовольствием перечитаешь ее вновь, открыв для себя много такого, чего раньше просто не замечал.

– Это щедрое предложение, – сказал он помолчав. – И, пожалуй, я приму его. Мне все равно нечего тут терять кроме подкрадывающегося безумия. А ты меня заинтересовал. Ты и твои лошади, не совсем обычные, я это чувствую. Но с другой стороны, вы прошли по краю топей, а это накладывает свой отпечаток. Я не стану спрашивать тебя, кем ты являешься на самом деле, возможно, ты и сам пока этого можешь не знать. Топь Ахенны меняет все, с чем соприкасается, пусть даже и краем. Если захочешь, сам расскажешь потом.

– Вот и договорились, – уже веселее продолжил я, – с обедом мы разобрались, так может двинем потихоньку? Пока дождик перестал?

– Хорошо. Пойдем. Только если не возражаешь, я хотел бы зайти в свою пещеру, забрать пару вещей, которые могут мне пригодиться в путешествии. Это в паре часов пути отсюда.

Сложив мои нехитрые пожитки, мы тронулись в путь. Эльф знал все тропинки, проложенные местной фауной, и мы двигались по лесу достаточно быстро. Впереди шел эльф, а я топал за ним, держа в поводу свою кобылу. Часа через полтора, мы вышли на берег быстрого ручья и шли по нему еще полчаса, пока не достигли заводи, образованной небольшим водопадом. Справа от заводи, куча валунов, поросших сверху деревьями, образовывала довольно

большую расселину, в которой и обитал эльф. Оставив лошадь у входа, я проследовал в это нехитрое жилище. Каменные стены местами были густо покрыты сетью из корней, которые испускали неяркоое свечение, освещая пещеру. Пол выстлала еловые лапы, наполняя воздух запахом смолы и хвои. В углу была куча травы, покрытая плащом, являвшаяся видимо импровизированной постелью моего спутника. Нехитрую обстановку дополняла полка, служившая по совместительству столом, сделанная из расколотого бревна, опертого на пару камней. На ней стояло несколько фляг и пара туесков из березовой коры. Эльф собирал свои вещи в углу. Из-под груды хлама, был извлечен меч в ножнах, украшенных крупными опалами и вставками из тонких пластин изумительно зеленого нефрита. Сам клинок, был выкован из какого-то неизвестного мне серебристого металла. Гладкая поверхность длинного прямого клинка, казалось, излучала лунное сияние и серебристо мерцала в призрачном свете корней.

– Что это за металл? – спросил я

– Это эльфийское серебро – ответил Сэлли-Эрн. – Мы не делаем клинков из хладного железа, как вы люди. Для нас оно смерть. Раны, нанесенные таким клинком, практически не поддаются лечению, даже из маленькой раны кровь идет не останавливаясь, только самые сильные маги могут очистить рану от мельчайших частиц хладного железа и залечить ее. Даже прикосновение к такому железу сравнимо с прикосновением к углю или к куску замороженного льда в северном океане. Сначала кожа краснеет, потом на ней появляются волдыри. Затем мельчайшие частицы железа проникают в кровь, отравляя весь организм, и мы умираем. Хотя сильный маг, контролирующий свое тело, может справиться с поражением. Для него такие раны не смертельны, но очень болезненны.

– А чем отличается хладное железо от обычного? – задал я резонный вопрос.

– Структурой и свойствами, – получил я не менее резонный ответ.

Повертев с минуту клинок в руках, я вернул его хозяину. Длинное листообразное лезвие, отточенное до остроты бритвы, производило впечатление. На нем не было заметно следов ковки, видимо, оно было цельнолитым.

Эльф продолжал собираться. Из мешка, сделанного из плотной гладкой ткани, похожей на шелк, он извлек новые сапоги, плащ и одежду. А так же пояс, сплетенный, как мне показалось, из полосок золота и серебра. Переодевшись, он как-то даже помолодел. Только взгляд его выцветших зеленых глаз оставался по-прежнему усталым и древним. Свалив свое старое тряпье в угол, он побросал в освободившийся мешок свои фляги, туески и несколько остро пахнущих мешочков, что были подвешены к потолку пещеры. Прицепив на пояс меч и накинув плащ, он подтвердил свою готовность отправляться в путь. Мы вышли из пещеры. До темноты оставалось в лучшем случае несколько часов. День был и без того хмурым, а густые кроны деревьев еще сильнее затеняли землю. Я взобрался в седло и двинулся за эльфом, неслышно скользившим по тропе, уводящей нас все дальше на северо-восток. Где-то там, в двух – трех сотнях километрах от нас, находился Фальк. Мы шли под кронами деревьев, возвышавшихся над нами могучими колоннами. Приказав лошади следовать за нашим нечаянным спутником, я отключился от окружающей меня действительности и вышел на связь с центром, посоветоваться и сообщить срочную информацию.

Глава 9

Ответ пришел быстро. На связь вышел Владимир Александрович собственной персоной. Я пересказал последние события и запросил рекомендаций, что мне следует предпринять. По всему выходило, что одинокий эльф, не связанный никакими обязательствами и привязанностями, может стать неплохим объектом для вербовки в этом мире, а возможно и стать одним из региональных агентов корпорации.

По поводу истории с хладным железом было выдвинуто несколько теорий, наиболее интересными и вероятными были те, которые связывали предположительно аллергическую реакцию на хладное железо с его валентностью. Точнее, предполагалось, что ферроидная составляющая гемоглобина в крови эльфа основывалась на двухвалентном железе, хотя и не факт, а попадание трехвалентного железа в белок вызывало его деформацию и закономерное отторжение с формированием иммунного ответа. Хотя все подобные предположения были писаны вилами на воде. Для более точного установления причин этого феномена мне порекомендовали при случае взять пару капель крови эльфа для анализа. Идею взять эльфа в попутчики в целом поддержали. Перед вербовкой все равно следовало за ним понаблюдать. А к тому же его магический потенциал и знания вполне могли пригодиться для выполнения моей миссии.

Предположительный магический потенциал эльфа не уступал магистру школы, которого я имел возможность пассивно просканировать в Семиречье. Психоизлучение, идущее от эльфа, по меньшей мере раза в полтора превосходило напряженностью то, что было зафиксировано мной в Семиречье, хотя и имело несколько меньшую широту диапазона.

Единственным минусом подобного сотрудничества была приметная внешность эльфа. Если разрез и цвет глаз еще могли как-то прокатить в этих землях, где периодически встречались последствия метисации рас, то характерная форма ушей выдавала в нем наследственность «первороденных». Впрочем, это было не той проблемой, из-за которой стоило отказаться от такого соратника.

Напоследок начальство рекомендовало по мере сил и возможностей ознакомиться с упомянутыми единорогами. Хотя все же не лезть на рожон и не менять ради этого маршрут движения. Сверху была спущена директива о том, что мир является интересным для корпорации и будет более тщательно изучен впоследствии. Ему даже присвоили официальный статус изучаемого и окрестили как Земля – 35, вместо обычного порядкового номера новооткрытого мира, 4599 ОМТРЖ З, 49689 (4599 по номеру открывшего его зонда, обитаемый, магического типа, имеющий разумную жизнь, З – это вариация земли, а все, что после запятой – время задержки скачка, выраженное в количестве колебаний атома стабильного изотопа ^{12}C углерода).

Итак, стало быть, Земля -35, подитожил я наш разговор.

Выйдя из канала связи с базой, я потянулся, разминая затекшие конечности, и огляделся вокруг. За время сеанса связи, длившееся минут сорок, мы прошли изрядный путь. Местность явно понижалась. То тут, то там попадались небольшие пруды и озера, заросшие по берегам густыми зарослями осоки и тростника. Тропа виляла и изгибалась, обходя особо густые кустарники. Эльф все так же шел впереди, быстрым шагом обитателя леса. Вечерело. Пройдя еще несколько километров, мы стали искать место для ночлега.

Подходящее место обнаружилось на довольно высоком песчаном берегу одного из озер, все чаще попадавшихся нам на пути. Видимо, эльф, так же как и я, не слишком нуждался в еде, поэтому пожевав для проформы горсть сушеных ягод из запасов эльфа, мы расположились на ночлег. Костром к моей радости занимался эльф, разжегший огонь одним небрежным жестом. Пламя весело плясало на сучьях, разгоняя сгустившиеся сумерки и разгоняя промозглую сырость окружающей природы. В озере плескалась рыбешка, привлеченная светом костра, а в прорехи облаков проглянула луна, такая привычная и напоминающая о доме. Промокшие плащи, развешенные для просушки у костра, колыхались на слабом северном ветерке. Растянувшись на одеялах, мы вели неспешную беседу, глядя, как переливаются угли в глубине костра.

– А ты случаем не знаешь, – спросил я эльфа, – с какого перепугу прекратилось судоходство в западном океане? Исходя из того, что ты рассказал, могу предположить, что это произошло благодаря вам. Но все же не контролируете же вы весь океан? Да и жители Холодных островов вполне могли бы достигнуть Западного континента.

– Это сложный вопрос. Дело в том, что мои сородичи в Эрнфиольне, чтобы не вызывать излишнего интереса к себе и избежать вторжений, вы, люди, очень агрессивная раса, отгородились от остального мира стеной туманов. Корабли, которые туда заплывают, поплутав, выплывают обратно, туда же откуда приплыли. А вот Эрн-Рианор просто топит все, что заплывает в его воды.

– Ну не весь же океан они контролируют? – не поверил я.

– Не весь. Но то, что они творят с погодой в своих землях, оказывает влияние на весь океан. Для себя каждый маг создает такую погоду, которая ему по душе или которую требуют хозяйственные нужды его поместья. Причем делает он это без оглядки на других, нисколько не заботясь о балансе и равновесии в природе. Поэтому даже за тысячи миль от побережья, далеко в открытом море, погода напоминает кошмарный сон метеоролога (в оригинале, вероятно, имелись в виду предсказатели погоды). То полный штиль, то сильнейший шквал или ураган. Причем возникает и то, и другое сразу и без предупреждения. Поэтому для тех, кто не владеет магией стихий, так же хорошо, как главы родов в Эрн-Рианоре, плавание по тем водам равносильно самоубийству.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.